

801-14
1938



БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

У 445
638

и

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКОНОМІЯ

Дворяне - Благотворители, сказаніе В. С. Порошина. С. Петербургъ, 1856 г.

Объ урочныхъ положеніяхъ въ хлѣбопашественныхъ имѣніяхъ, статья усманскаго помѣщика Г. Б. (Экономическія Записки, еженедѣльное при-
бавленіе къ журналу «Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Об-
щества» 1855 г. № № 43 и 44.)

Объ урочныхъ работахъ, статьи минскаго и игуменскаго помѣщика Іосифа
Кучинскаго. (Экономическія Записки 1856 г., № № 13 и 14).

*Замѣчанія усманскаго помѣщика г-на Г. Б. на статью: «объ урочныхъ
работахъ» минскаго и игуменскаго помѣщика г. Іосифа Кучинскаго.* (Труды
И. В. Э. Общества, 1856 г. № 6, отдѣлъ хозяйственный.)

Въ литературѣ каждаго народа можно различить два рода про-
изведеній. Одни возникаютъ непосредственно на почвѣ практи-
ческой народной жизни, подъ вліяніемъ насущныхъ нуждъ народа,
подъ вліяніемъ тѣхъ упованій и стремленій, которыя смѣняють
одно другое въ непрерывномъ теченіи общественной жизни, нако-
пляются въ извѣстныя эпохи и просятся наружу и въ дѣль и въ
словѣ. Другія произведенія литературы вырастають только въ
высшей умственной сферѣ народной жизни: это произведенія той
дѣятельности въ обществѣ, которая, по возможности, отвлекаясь
отъ окружающей ея практической жизни, составляетъ роскошь,
благородную и необходимую, плодотворную въ своихъ дѣйствіяхъ,
но все-таки роскошь жизни народа. Мы не хотимъ этимъ сказать,
чтобы и эти послѣднія явленія возникали совершенно незави-
симо отъ той общественной среды, которая ихъ окружаетъ; нѣтъ,

и они необходимо подчинены, въ общемъ своемъ характерѣ, условіямъ практической жизни и ея формъ, но подчинены только *посредственно*. Въ самыхъ роскошныхъ и исключительныхъ созданіяхъ искусства, въ самыхъ отвлеченныхъ созерцаніяхъ философа, можно отыскать тѣ нити, которыя связываютъ ихъ съ обществомъ и народомъ, среди которыхъ они жили; но эти нити чрезвычайно тонки, ихъ направленіе чрезвычайно извилисто среди безконечныхъ сплетеній и узловъ. Тишина кабинета ученаго, спокойствіе и самостоятельность его мысли, во многомъ зависятъ отъ той общественной атмосферы, которою онъ окруженъ; но какъ часто въ кабинетѣ миръ, любовь и тишина, въ ту самую минуту, какъ на улицѣ вражда и смятеніе! Иной характеръ первыхъ произведеній: они прямо вылились изъ тѣхъ побужденій и помысловъ, изъ которыхъ складывается ежедневная жизнь общества; это — слово, которое вырвалось изъ устъ народа въ минуту его работы, его пищеvarенія, его корыстныхъ помысловъ. Полемика англійскихъ хозяевъ, фабрикантовъ и публицистовъ, по поводу вопроса о свободѣ торговли, во второй четверти XIX-го столѣтія, и журнальныя статьи Маколея, принадлежать одному и тому же народу, одной и той же почвѣ. Но первая есть страница изъ экономической и политической жизни народа, трудная работа новаго начала въ этой жизни; статьи Маколея — роскошь народа, умѣющаго найти самый выгодный сбытъ для своихъ мануфактурныхъ произведеній и въ тоже время окружить ученаго всѣмъ подобающимъ ему уваженіемъ, обезпечить ему всю свободу и независимость историческаго приговора, какъ бы онъ ни былъ тяжелъ для современныхъ дѣятелей, располагающихъ судьбами народа, и горекъ для національной гордости, — народа, способнаго воспитать въ своей средѣ Ротшильда, Кобдена, Пиля, и въ то же время Байрона, Диккенса, Маколея.

Эти мысли сочли мы нужнымъ предпослать разсмотрѣнію нѣсколькихъ сочиненій по предметамъ нашего сельскаго хозяйства, напечатанныхъ частію въ прошедшемъ, частію въ 1855 году, и означенныхъ во главѣ настоящей статьи. Эти сочиненія касаются одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ нашей народной дѣятельности — сельскаго хозяйства; въ нихъ проявляются виды, взгляды, и побужденія не досужныхъ зрителей этой дѣятельности, а самихъ дѣлателей, чтò придаетъ имъ, независимо отъ интереса предмета, еще особую занимательность.

Въ 1803 году, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго ходатайства графа

Сергѣя Петровича Румянцова, и въ видахъ предоставленія помѣщикамъ разныхъ выгодъ и полезнаго дѣйствія на ободреніе земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства (какъ сказано въ указѣ 1803 года, февраля 20-го) (1), правительство предоставило графу Румянцову и всѣмъ, «кто изъ помѣщиковъ послѣдовать примѣру его пожелаетъ», право увольнять крестьянъ своихъ изъ крѣпостнаго состоянія, по добровольному съ ними соглашенію и съ утвержденіемъ за ними участка земли или и цѣлой дачи. Такъ положено было начало новому въ государствѣ званію — *свободныхъ хлѣбопашцевъ*. По смерти помѣщика, наслѣдники его вступаютъ во всѣ тѣ права и обязанности въ отношеніи къ крестьянамъ, какія постановлены въ заключенномъ съ ними условіи. При неисполненіи крестьянами принятыхъ ими на себя обязанностей, они возвращаются въ первобытное состояніе. Предоставленными имъ помѣщикомъ землями они могутъ распоряжаться какъ полною собственностью, съ тѣмъ лишь, чтобы участки не были раздробляемы далѣе осьми десятинъ. Если крестьяне, отпускаемые на волю, состоятъ въ казенномъ или частномъ залогѣ, то они могутъ принимать на себя, съ согласія казенныхъ мѣстъ и кредиторовъ, долгъ, на имѣніи лежащій. Указомъ 21-го февраля того же 1803 года (2), были опредѣлены нѣкоторыя подробности увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, на основаніяхъ, изложенныхъ въ первомъ указѣ и въ сущности своей сохранившихся до настоящаго времени. Въ условіи, по которому помѣщикъ передаетъ крестьянамъ землю, онъ долженъ означать: 1) съ какими именно крестьянами онъ заключаетъ условіе; 2) какія и какого именно рода земли и въ какомъ количествѣ каждому изъ крестьянъ онъ уступаетъ въ собственность; 3) какую именно цѣну обязаны крестьяне уплатить за землю, за освобожденіе свое отъ нѣкоторыхъ повинностей или за полную свою свободу; 4) въ какіе именно сроки, въ теченіе сколькихъ именно лѣтъ, или вѣчно должна производиться эта уплата помѣщику и его наслѣдникамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ законъ указалъ три главныя нормы условій, заключаемыхъ помѣщиками и крестьянами: во первыхъ, крестьяне получаютъ полную свободу, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ за ними земли, уплативъ сполна всю условленную сумму, при совершеніи отпускной; во вторыхъ, выкупной платежъ разсрочивается въ годы,

(1) Полное Собр. 3. № 20, 620.

(2) Полное Собр. 3. № 20, 625.

крестьяне остаются известное число лѣтъ при нѣкоторыхъ обязанностяхъ въ отношеніи къ помѣщику и получаютъ полную свободу только по исполненіи всѣхъ условленныхъ повинностей; втретихъ, крестьяне, оставаясь крѣпкими землѣ, заключаютъ съ помѣщикомъ условія, на основаніи коихъ, владѣя его землею, они обязываются на известное число лѣтъ, по жизнь его или навсегда, исправлять известныя повинности, или платить подать деньгами или продуктами, съ тѣмъ, чтобы условія эти были обязательны какъ для него, такъ и для тѣхъ, къ кому имѣніе можетъ поступить по продажѣ или по наслѣдству. Если въ имѣніи нѣкоторые крестьяне остаются въ крѣпостномъ состояніи, то они ни въ какомъ случаѣ не должны быть оставлены вовсе безъ земли; если же всѣ земли имѣнія предоставляются увольняемымъ крестьянамъ, то остающіеся должны быть переведены на земли другаго имѣнія. Предоставляемая въ пользу увольняемыхъ крестьянъ земли должны быть раздѣлены на участки по числу крестьянъ, такъ чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ въ виду опредѣлительно свой участокъ земли.

Дальнѣйшія и еще болѣе важныя постановленія законодательства по этому предмету состояли въ слѣдующемъ: Высочайше утвержденнымъ 19-го декабря 1804 года положеніемъ государственнаго совѣта (1), воспрещено въ имѣніяхъ родовыхъ увольненіе крестьянъ по завѣщаніямъ, то-есть такъ, чтобы они вступили въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ послѣ смерти владѣльца, а до тѣхъ поръ оставались бы по прежнему крѣпкими ему. Въ послѣдствіи это воспрещеніе распространено и на *благопріобрѣтенныя* имѣнія (2). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, 3-го октября 1805 года (3), постановлено, чтобы въ случаѣ смерти помѣщика, послѣ заключенія условій съ крестьянами, но прежде утвержденія ихъ узаконеннымъ порядкомъ, условія приводились въ исполненіе и послѣ смерти владѣльца. Указомъ 9-го ноября 1809 года (4), право поступленія въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ распространено и на тѣхъ крестьянъ и дворовыхъ, которые, бывъ уволены помѣщикомъ *лично*, безъ земли, сами пріобрѣтутъ въ собственность какія-нибудь земли. Высочайше утвержденнымъ 22-го сентября 1831

(1) Полное Собр. 3. № 21, 562.

(2) Полное Собр. 3. № 27, 470. 1818 г. авг. 12.

(3) Полное Собр. 3. № 21, 933.

(4) Полное Собр. № 24, 964.

года мнѣніемъ государственнаго совѣта (1), дозволено свободнымъ хлѣбопашцамъ, съ согласія ихъ обществъ и помѣщиковъ, переходить въ другія свободныя податныя состоянія и купечество, прежде окончательнаго исполненія всѣхъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ помѣщикамъ. Въ 1838 году, при учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ, свободные хлѣбопашцы, вмѣстѣ съ прочими свободными сельскими обывателями, поступили въ завѣдываніе этого министерства, съ тѣмъ чтобы изъ селеній свободныхъ хлѣбопашцевъ составлялись отдѣльныя отъ казенныхъ общества, гдѣ къ тому представляется возможность по мѣстнымъ обстоятельствамъ; въ случаѣ малолѣтства эти селенія могутъ быть присоединены, по видамъ управления, къ сельскимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ (2). Точное исполненіе изложеннаго выше закона о томъ, чтобы, при увольненіи крестьянъ, вся дача раздѣлялась на опредѣленные участки земли, и чтобы каждому достался свой участокъ, встрѣтило на практикѣ многія затрудненія, и потому правительство, имѣя въ виду, что при требованіи точнаго исполненія этого закона многіе помѣщики, особенно тѣ, которые увольняютъ крестьянъ своихъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ единственно изъ одного желанія сдѣлать ихъ по смерти своей счастливыми, принуждены будутъ, во многихъ случаяхъ, отказаться отъ своего намѣренія, — правительство дозволило помѣщикамъ предоставлять раздѣлъ земли на участки и самимъ крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы въ условіи увольненія было въ точности сказано: въ какой именно срокъ долженъ быть произведенъ раздѣлъ и на какомъ основаніи, то-есть по количеству ли внесеннаго за себя каждымъ крестьяниномъ выкупа, или же поровну, по количеству душъ. До окончанія этого раздѣла никто изъ крестьянъ отдѣльно не можетъ быть признанъ полнымъ хозяиномъ оставленнаго ему помѣщикомъ участка, слѣдовательно ни отчуждать, ни передавать его (3). Въ 1848 году свободные хлѣбопашцы переименованы въ *государственные крестьяне, поселенные на собственныхъ земляхъ*, съ сохраненіемъ въ своей силѣ всѣхъ прежде вышедшихъ о нихъ узаконеній (4).

Таковы въ хронологическомъ порядкѣ важнѣйшія законоположенія по увольненію помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные хлѣбо-

(1) Полное Собр. Законовъ № 4, 816.

(2) Полное Собр. № 11, 189. 1834 г. апрѣля 30.

(3) Полное Собр. № 11, 287. 1848 г. іюня 7.

(4) Полное Собр. № 22, 444. 1848 г. іюля 15.

пашцы, или государственные крестьяне, поселенные на собственных землях; представленный нами возможно-краткій очеркъ законодательства будетъ не лишнимъ для дальнѣйшаго нашего изложенія. Въ узаконеніяхъ, нами не упомянутыхъ, опредѣляются только формы и обряды увольненія, нѣкоторыя права и обязанности, сопряженныя съ состояніемъ государственныхъ крестьянъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, въ отношеніи къ государству и къ гражданскому обществу, а не къ прежнимъ своимъ помѣщикамъ; потому мы и не включили ихъ въ наше обзорѣніе (1). Вся сущность законодательства по этому предмету заключается въ указахъ 1803 года; позднѣйшія узаконенія служили только къ ихъ разъясненію и нѣкоторому дальнѣйшему развитію. Главныя основанія увольненія остались въ своей силѣ и до настоящаго времени.

Въ сказаніи г. Порошина представленъ одинъ замѣчательный случай увольненія помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ. Случай этотъ представленъ въ сказаніи какъ опытъ, который для всѣхъ вообще можетъ служить примѣромъ (2); мы обязанностью нашею считаемъ вкратцѣ разказать его здѣсь.

Два помѣщика Можайскаго уѣзда, Московской губерніи, братья

(1) Кромѣ указанныхъ выше законоположеній о свободныхъ хлѣбопашцахъ, относятся къ нимъ еще слѣдующія:

Полн. Собрание Законовъ № 22, 714.	1807 г. дек. 14.
— — № 25, 893.	1815 г. іюн. 30.
— — № 28, 909.	1822 г. янв. 31.
— — № 29, 715.	1823 г. окт. 24.
— — № 1474.	1827 г. окт. 17.
— — № 2245.	1828 г. авг. 20.
— — № 4007.	1830 г. окт. 17.
— — № 4816.	1831 г. сен. 22.
— — № 4846.	1831 г. окт. 1.
— — № 8056.	1835 г. апр. 13.
— — № 23,405.	1849 г. іюл. 19.
— — № 23,793.	1850 г. янв. 2.
— — № 25,469.	1851 г. авг. 4.
— — № 27,491.	1853 г. авг. 4.
— — № 27,668.	1853 г. нояб. 9.

Въ Сводѣ Законовъ, все законодательство о государственныхъ крестьянахъ, поселенныхъ на собственныхъ земляхъ, изложено въ IX Т. Зак. о состояніяхъ и въ Продолженіяхъ къ нему, ст. 760 — 795.

(2) Дворяне-Благотворители, стр. 22.

Павель и Алексѣй Александровичи, князя Ширинскіе-Шихматовы, отпустили въ 1836 году на волю 88 душъ крестьянъ (42 тягла) своей вотчины села Архангельскаго, сельца Зубова и деревни Алешковой. Крестьянамъ этимъ предоставлена помѣщиками въ собственность земля, которой приходится по числу душъ съ избыткомъ: такъ всей вообще земли по двѣнадцати казенныхъ десятинъ на тягло, а пахатной по три десятины въ каждомъ изъ трехъ полей. Раздѣлъ земли на участки между крестьянами предоставленъ имъ самимъ, по взаимному ихъ согласію. Съ своей стороны крестьяне обязались, за уступленную имъ помѣщиками землю, платить имъ по смерти послѣдняго изъ двухъ владѣльцевъ ежегодно 1050 руб. асс. (300 р. сер.), то-есть, по 3 руб. 40 коп. сер. съ души (или около 7 руб. съ тягла); по смерти же владѣльцевъ вносить каждый годъ, для умноженія кроватей московской Голицынской больницы, по 1 руб. сер. съ души. Кромѣ того, по утвержденіи установленнымъ порядкомъ условія съ помѣщиками, крестьяне обязаны открыть для дѣтей своихъ приходское училище, построить для него свѣтлицу и собирать съ міру, на разныя издержки по училищу, ежегодно 294 руб. асс. Въ увольнительной записи указаны даже нѣкоторыя книги религіознаго содержанія, которыя должны быть покупаемы для училища и выдаваемы каждому ученику, при окончаніи всего курса ученія. вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленъ порядокъ назначенія учителя и смотрителя въ училищѣ, по выбору изъ крестьянъ.

Уже въ самыхъ условіяхъ договора князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ съ ихъ крестьянами видны слѣды тѣхъ высокихъ побужденій, которыя руководили ими въ томъ дѣлѣ и которыя раскрываются постепенно во всемъ разказѣ объ ихъ великодушномъ подвигѣ: ежегодный платежъ, выговоренный ими у крестьянъ въ свою пользу, совершенно ничтоженъ въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя они могли получать отъ имѣнія до увольненія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что они находились въ первобытномъ состояніи — на запашкѣ; отпуская крестьянъ на волю, помѣщики и тутъ не упускаютъ изъ виду ихъ нравственнаго и умственнаго совершенствованія: одною изъ непремѣнныхъ обязанностей крестьянъ поставлено учрежденіе и содержаніе училища. Самый актъ увольненія крестьянъ окруженъ былъ помѣщиками такою обрядностью и торжественностію, которыя свидѣлствуютъ, что это было въ глазахъ ихъ дѣломъ не только гражданскихъ убѣжденій, но и глубоко-религіозныхъ. Вотъ повѣствованіе этого акта собствен-

ными словами одного изъ помѣщиковъ (князя Алексѣя Александровича): «Увольнительный актъ врученъ былъ крестьянамъ въ селѣ Архангельскомъ, въ домѣ нашемъ, при собраніи дворянства и членовъ земскаго суда 1837 года, 8-го іюля, въ день празднованія Казанской Божіей Матери, которой иконою мы ихъ благословили. Предъ пожалованіемъ имъ сего образа и записи, сперва прочитана была мною и покойнымъ братомъ, Павломъ Александровичемъ, вся тетрадь завѣщанія (1); потомъ произведено было испытаніе обученнымъ крестьянамъ изо всѣхъ предметовъ ученія, необученнымъ же обою пола — изъ закона Божія. За симъ послѣдовало молебствіе предъ иконою, а по окончаніи молебствія, вмѣстѣ съ иконою благословенія, поступила въ руки уволенныхъ и запись, какъ бы самою Богоматерью, отъ насъ ее снисходительно пріявшею, милостиво имъ вручаемая. Потомъ образъ отнесенъ священно-служителями въ церковь, отстоящую отъ дома саженьяхъ въ сорока, и поставленъ на уготованномъ для него мѣстѣ, съ пожертвованіемъ отъ общества уволенныхъ небольшой суммы на возжигаемую предъ иконою свѣчу. Въ заключеніе всего данъ былъ для собранныхъ гостей въ домѣ, а для свободныхъ хлѣбопашцевъ на лугу, передъ домомъ, обѣдъ (2).» По свидѣтельству очевидцевъ, прощаніе помѣщиковъ съ крестьянами было умилительное: князя смиренно просили у крестьянъ прощенія, если въ чемъ передъ ними согрѣшили.

Въ завѣщаніи, написанномъ кн. Алексѣемъ Александровичемъ, заключается проникнутая искреннею любовью къ человѣчеству и христіанскимъ смиреніемъ, трогательная, по своей простотѣ и благодущію, беседа съ крестьянами о нуждахъ ихъ быта, ихъ нравственныхъ недостаткахъ и средствахъ къ исправленію. Характеръ этой бесѣды проявляется уже въ первыхъ ея строкахъ: «Какъ человѣкъ смертный, а притомъ хворый и престарѣлый, считаю я нужнымъ, доколѣ нахожусь еще въ полной памяти, написать вамъ, други мои, мое предсмертное завѣщаніе, въ коемъ намѣренъ упомянуть и о тѣхъ мѣрахъ, которыя я принялъ, по прибытіи моемъ къ вамъ, и доселѣ продолжаю употреблять, къ вашему временному благополучію и вѣчному. Оно будетъ заклю-

(1) Оно было въ 1838 году напечатано отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: *Завѣщаніе моимъ крестьянамъ, или нравственное имъ наставленіе*. Это завѣщаніе перепечатано въ сказаніи г. Порошина.

(2) Дворяне-Благотворители, стр. 43 — 46.

ченіемъ тѣхъ поучительныхъ бесѣдъ, въ которыхъ я, каждый воскресный день, простираю къ вамъ мое слово (1).» Такъ начинается завѣщаніе и въ такомъ тонѣ оно все написано. Чтобы дать болѣе близкое понятіе объ этомъ, во многихъ отношеніяхъ, любопытномъ произведеніи, мы позволимъ себѣ представить нѣкоторыя изъ него выписки. Напримѣръ:

«Жизнь ваша, по внѣшности, во многомъ сходствуетъ съ патриархальною жизнію временъ библейскихъ, тѣхъ счастливыхъ временъ, когда люди такъ много еще хранили въ себѣ ангельской чистоты, что ангеламъ обычно было принимать на себя образъ человѣка и дружественно съ нимъ бесѣдовать. Подражайте симъ святымъ мужамъ и въ духовной ихъ жизни, и въ ихъ благоугодныхъ добродѣтеляхъ.

«..... Ваша нравственная наука, други мои, не сложна, не обширна. Не многихъ добродѣтелей требуетъ отъ васъ ваше званіе, не много и пороки вамъ опасны. Не мало, безъ сомнѣнія, находится тѣхъ и другихъ, которыхъ чужды вамъ и самыя названія. Они въ сердцѣ вашемъ, какъ чужеземныя растенія не на своей почвѣ, не иначе могутъ расти, какъ когда доставленъ имъ будетъ отечественный ихъ климатъ, то-есть только тогда, когда въ свѣтлицы ваши вселятся обычаи хорѣмъ и палатъ.

«.... По прочтеніи, ежедневно не меньше положеннаго числа страницъ, въ обѣихъ выше упомянутыхъ книгахъ (чтеніе изъ 4-хъ евангелистовъ и о должности христіанина, преосвященнаго Тихона) не возбраняется всѣмъ вамъ грамотнымъ заниматься чтеніемъ и другихъ книгъ, изъ тѣхъ, которыя отъ меня вамъ читать дозволено, а именно: книгъ о сельскомъ хозяйствѣ, о лѣченіи болѣзней людей и скота, книгъ историческихъ, біографическихъ и прочихъ сочиненій такого рода, что могутъ съ пользою расширять кругъ вашихъ понятій. Вотъ и кромѣ духовныхъ книгъ, которыми, конечно, надобно заниматься преимущественно передъ всякими другими, имѣте вы довольно пищи вашему уму.

«Нѣтъ ничего дѣйствительнѣе къ огражденію себя отъ пороковъ праздности, какъ полезное чтеніе. А потому, нехудо вамъ, пріохотивъ себя къ тому съ молодости, по возможности запастись хорошими книгами. Онѣ не только самимъ вамъ съ избыткомъ вознаградятъ заплаченную за нихъ сумму, но и дѣтьми и внуками вашими могутъ быть употребляемы съ пользою. Нехудо весьма излишекъ вашъ употреблять на сии издержки. Нехудо каждому, по достатку, заготовлять себѣ запасецъ книгъ. Полезныя книги ваши, обращаясь не въ одномъ тѣсномъ кругѣ вашего дома, но во многихъ домахъ многихъ селеній, вездѣ будутъ разсѣвать сѣмена благочестія и благонравія: всюду будутъ вносить полезныя свѣдѣнія, и тѣмъ низводить благословеніе Божіе на васъ, ближнимъ своимъ такъ существенно пользующихъ.

«Еслибы которому изъ васъ, шелковыхъ, ткачей или иныхъ мастеровъ

(1) Дворяне-Благотворители, стр. 71.



ровыхъ, довелось каждому въ своемъ ремеслѣ достигнуть степени подмастерья: то здѣсь грамота будетъ вамъ очень не лишняя. Съ ней вы можете быть употреблены въ конторахъ; съ ней вы можете имѣть свои конторы, поступивъ въ званіе мастеровъ; съ ней можете достигнуть высшей степени купечества. Грамота есть то средство, безъ котораго невозможно восходить ни въ какомъ состояніи, восходить, я разумью, не для пропитанія алчнаго корыстолюбія или надменнаго честолюбія; но чтобы быть полезнымъ обществу и себѣ,—руководствуясь законными, чистыми къ тому побужденіями. Грамота придаетъ человѣку новыя чувства, доставляя ему способность проникать въ сущность тѣхъ вещей, въ которыхъ безграмотныхъ взоръ останавливается на одной поверхности. Грамота, посредствомъ историческихъ бытописаній, сообщаетъ всѣ важнѣйшія событія временъ прошедшихъ и самой глубокой древности, и тѣмъ придаетъ намъ, кратковѣчнымъ, опытность многихъ столѣтій. Грамота, посредствомъ періодическихъ изданій, то-есть, вѣдомостей и журналовъ, доставляетъ намъ, не двигающимся съ мѣста, свѣдѣніе о всемъ, что происходитъ въ цѣломъ свѣтѣ.

«...Всѣ пороки такъ тѣсно соединены между собою, что допущенный одинъ влечетъ за собою многіе другіе. Старайтесь проводить такую жизнь, чтобы, бѣгая праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ, держаться богоугоднаго трудолюбія. Трудолюбивая, въ смиреніи проводимая жизнь, при всемъ непросвѣщеніи вашемъ, можетъ, въ отношеніи къ одному нужному, *поставить васъ выше многихъ просвѣщенныхъ по міру, но не могущихъ преодолѣть, противныхъ силъ вашихъ добродѣтелямъ, худыхъ своихъ склонностей.*» (1)

Такъ бесѣдуетъ дворянинъ-благотворитель съ крестьянами, въ самую торжественную минуту ихъ земнаго поприща, въ минуту дарованія имъ, силою его глубокихъ религіозныхъ убѣжденій, гражданской свободы, въ минуту открытія предъ ними того пути, на которомъ и честь и отвѣтственность за земной подвигъ будутъ лежать уже на ихъ собственной совѣсти, а не на чужой.

Сравнивать нашъ крестьянскій бытъ съ патриархальною жизнію временъ библейскихъ, искать въ этомъ бытѣ библейской чистоты нравовъ — это идиллія! Какъ это далеко отъ того, что такъ недавно и съ такою силою убѣжденія было высказано однимъ современнымъ публицистомъ! Лѣность, пьянство, развратъ, бродяжничество, буйство, своеволие—вотъ какую картину крестьянскаго быта рисовали намъ внѣ предѣловъ строгой владѣльческой опеки (2). Но дѣло въ томъ, что авторъ этого завѣщанія и виновникъ свя-

заннаго съ нимъ высоко-нравственнаго подвига не утопистъ. Это не мученикъ отвлеченной мысли. Нѣтъ, это труженикъ дѣйствительной жизни, труженикъ помѣщикъ; не съ бѣлыми перчатками на рукахъ, не въ бѣломъ галстукѣ на шеѣ, не посреди свѣтлыхъ теорій кабинета говорить онъ о крестьянахъ и съ крестьянами, и эти крестьяне не за тысячу верстъ отъ него; это тѣ самые люди, посреди которыхъ онъ провелъ всю жизнь. Двадцать лѣтъ съ отеческою заботливостію воспитывали князя Шихматовы своихъ крестьянъ къ гражданской свободѣ; двадцать лѣтъ они сами учили ихъ закону Божию, нравственности, грамотѣ, ариметикѣ, безпрестанно и ежечасно бесѣдовали съ ними и внушали имъ правила самостоятельной жизни гражданской; двадцать лѣтъ готовились они къ важному подвигу ихъ увольненія, содѣлавшемуся для нихъ цѣлю и смысломъ всей ихъ помѣщичьей жизни посреди крестьянъ. Но и послѣ увольненія, князя Шихматовы болѣе десяти лѣтъ (1) оставались посреди нихъ, и хотя офиціальныя или формальныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ совершенно измѣнились (кромѣ уплаты условленнаго оброка, за исправностію котораго должно наблюдать мѣстное начальство, помѣщики лишились всякой власти надъ крестьянами), взаимная ихъ связь не только не ослабѣла, но еще болѣе укрѣпилась, какъ можно заключать изъ отвѣтовъ князя Шихматова на предложенные ему г-мъ Порошинымъ вопросы. Наблюденіе за податями и полиціей перешло въ вѣдомство государственныхъ имуществъ; но все внутреннее, домашнее распоряженіе крестьянами осталось въ рукахъ помѣщиковъ. Всякія возникавшія между крестьянами недоразумѣнія, надѣленіе умножавшихся семей землею, отпуска ихъ на работы, все передавалось ими на разрѣшеніе помѣщиковъ, которые продолжали съ крестьянами свои уроки и бесѣды. «Словомъ, говоритъ князь Шихматовъ, такъ недалеко увольнительный актъ развелъ меня съ сими свободными хлѣбопашцами, что даже отдача въ рекруты, сей важнѣйшій актъ владѣльческой власти, остается въ зависимости отъ меня. Болѣе десяти лѣтъ продолжается сіе мое управленіе (*такое вождельное состояніе волости сохранилось до самаго конца жизни князя А. А. Шихматова*, замѣчаетъ г. Порошинъ); въ теченіе

(1) Дворяне-Благотворители, *passim*.

(2) Русскій помѣщичій крестьянинъ, статья Ст. Сов. Г. Бланка. (Труды И. В. Э. Общ. 1856 г. № 6. См. замѣтку объ этой статьѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1856 г. № 16).

(1) Князь Павелъ Александровичъ скончался въ 1844 г.; князь Алексѣй Александровичъ былъ въ имѣніи еще въ 1848 г.; когда онъ скончался, намъ неизвѣстно.

этого времени мнѣ не случилось встрѣтить затрудненія въ своихъ распоряженіяхъ, ниже имъ хотя бы разъ показались тяжкими столь тѣсныя со мною сношенія. Изъ всего сказаннаго очевидно, что вліяніе мое на нихъ сохранилось во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я могу имъ дѣлать, а они принимать отъ меня добро. При увольненіи своемъ, они дѣйствительно не могли не прозирать переменны своего состоянія къ лучшему, отъ нѣкоторыхъ новыхъ источниковъ, законами отверзаемыхъ, къ ихъ довольству и благополучію. Но объ этомъ довольствѣ лишь умозрительно могли они гадать и думать, о томъ же, какъ много отъ связи со мною зависѣло ихъ спокойствіе, то извѣдали они долговременнымъ опытомъ. А потому, чтобы не промѣнять извѣстное благо на неизвѣстное, они удаляются всего того, что хотя мало угрожаетъ расторгненіемъ установившихся, взаимнымъ доброжелательствомъ созданныхъ связей. *Словомъ, свобода не повела ихъ къ своеволію и неуваженію, затѣмъ что мы, разставшись, остались друзьями.*» (1) Это уже болѣе, чѣмъ идиллія!

Обратимъ теперь вниманіе на другую сторону, нашей задачи, на *хозяйственную полемику*, возникшую между нѣсколькими хозяевами въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» и въ служавшихъ къ нимъ прибавленіемъ «Экономическихъ запискахъ». Разкажемъ вкратцѣ исторію этой полемики.

Уманьскій помѣщикъ (Тамбовской губерніи) г-нъ Г. Б. напечаталъ въ «Экономическихъ Запискахъ» статью свою *объ урочныхъ положеніяхъ въ хлѣбопашественныхъ губерніяхъ*. «Порядокъ—душа работъ, такъ начинается свою статью г-нъ Г. Б.; онъ берегаетъ драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ благъ — время; облегчаетъ и ускоряетъ трудъ не хуже всякихъ машинъ, даетъ доходъ лучше и вѣрнѣе самыхъ замысловатыхъ спекуляцій. Поэтому, я всегда считалъ самымъ важнымъ въ хозяйствѣ: привести въ порядокъ землю и сельскія работы.» Затѣмъ авторъ разказываетъ, что въ началѣ управления своимъ имѣніемъ, присматриваясь къ назначеніямъ работъ своихъ старостъ, онъ долженъ былъ нерѣдко *усиливать назначенныя работы*. Это обстоятельство, то-есть *необходимость усиленія работъ*, и привело автора, по собственному его, весьма откровенному признанію, къ мысли о состав-

ленію для имѣнія урочнаго положенія. Работа сгонная, или огульная, по мнѣнію его, представляетъ непреодолимыя неудобства, и примѣромъ такихъ неудобствъ онъ особенно выставляетъ *усовершенствованія* въ хозяйствѣ: машины, работая по три дня въ недѣлю, будутъ стоять полгода безъ дѣйствія; запашка на волахъ не будетъ служить значительнымъ пособіемъ для крестьянъ, а волы будутъ въ тягость помѣщику, ибо полгода придется кормить ихъ даромъ, и т. д. По этимъ побужденіямъ, г-нъ Г. Б. составилъ урочныя положенія для двухъ своихъ имѣній. Въ одномъ изъ этихъ имѣній *бѣдные крестьяне, состоя на мѣсячинъ, считаются дворовыми рабочими, ежедневными тяглами, работая на господскихъ лошадахъ и господскими орудіями*; въ другомъ имѣніи дворовыхъ хлѣбопашественныхъ нѣтъ; это послѣднее обстоятельство г-нъ Г. Б. называетъ *незначительною* разницею въ рабочихъ силахъ двухъ имѣній. Послѣ предисловія, авторъ напечаталъ и самыя таблицы своихъ урочныхъ положеній, весьма сложныя и пространныя, съ тою, по его словамъ, цѣлю, что *всякая добрая практическая идея можетъ быть прильнена и къ другимъ хозяйствамъ, въ одинаковыхъ обстоятельствахъ находящимся*. Доказательствомъ пользы своего урочнаго положенія и доброты своей идеи, авторъ приводитъ то, что съ помощію этого положенія работы шли у него быстро и хорошо (въ чемъ ручаются, по его мнѣнію, полученные имъ съ имѣнія доходы); когда же, за разѣздами, онъ принужденъ былъ предоставить распоряженіе хозяйствомъ старостамъ, онъ понесъ убытокъ (1).

Минскій и игуменскій помѣщикъ, г. Юсифъ Кучинскій, написалъ критику на урочныя положенія въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и при этомъ коснулся урочныхъ положеній вышеупомянутаго автора, г-на Г. Б., и нѣкоторыхъ его взглядовъ на предметы сельскаго хозяйства, доказывая, что первыя слишкомъ превышаютъ силы крестьянъ и совершенно непримѣнимы, а вторые неправильны (2). Эпиграфомъ для своихъ статей г. Кучинскій избралъ полное высокаго смысла евангельское изреченіе: *И вамъ законникамъ горе како накладаете на челоуька бремена не удобополнима и сами единымъ перстомъ вашимъ не прикасаетесь бременамъ*. Вслѣдствіе этого г-нъ Г. Б. отвѣчаетъ г-ну Кучин-

(1) Эконом. Записки 1855 г. № 43, стр. 337—338.

(2) Эконом. Записки 1856 г. № 13 и 14.

(1) Дворяне-Благотворители, стр. 53—54.

скому довольно обширную статью въ «Трудахъ В. Э. Общества» (1), въ которой съ настойчивостію возстаетъ противъ критика, въ защиту своихъ мнѣній.

Эта хозяйственная полемика и взгляды г-на Г. Б. на сельское хозяйство показали намъ весьма любопытными, а выводы, которые изъ нихъ можно сдѣлать, — весьма поучительными, тѣмъ болѣе, что г-нъ Г. Б. высказываетъ свои убѣжденія съ большимъ жаромъ и откровенностію. Воспользуемся же съ благодарностію и этимъ жаромъ и этою откровенностію, какъ для нашего собственного поученія, такъ и для читателей.

Но мы должны, во избѣжаніе недоразумѣнія со стороны и читателей и г-на Г. Б., въ самомъ началѣ оговориться. Намъ интересуетъ и намъ подсудима только политико-экономическая часть полемики и воззрѣній г-на Г. Б.; мы не будемъ и не считаемъ себя, по роду нашихъ занятій, въ правѣ касаться чисто технической или частно-хозяйственной стороны урочныхъ положеній. Хозяева могутъ отказать намъ въ этомъ правѣ, они могутъ не видѣть въ урочныхъ положеніяхъ ничего, кромѣ техники сельскаго хозяйства, и затѣмъ требовать отъ насъ разбора этой, и только этой стороны урочныхъ положеній. Пожалуй, иной хозяинъ удивится, что мы нашли политическую экономію и въ его воззрѣніяхъ, и въ его хозяйствѣ; пожалуй воскликнетъ, подобно Мольеровскому Журдану: «какая тутъ политическая экономія, когда я приказываю моему старостѣ нарядить пять тяголъ на сѣнокосъ? какая политическая экономія, когда я терплю убытки при управленіи имѣніемъ черезъ старость и получаю хорошій доходъ при собственномъ моемъ распоряженіи?» Но мы обязаны, вмѣстѣ съ Мольеровскимъ учителемъ философіи, отвѣчать: «да, сударь, это проза, да, это политическая экономія.» Да, сельское хозяйство, какъ бы ни былъ тѣсенъ кругъ его, какъ бы ни были своеобразны и прихотливы его формы, имѣетъ, кромѣ стороны технической и естественно-исторической, сторону общественно-экономическую, которая можетъ быть разсматриваема отдѣльно отъ первой. Сельское хозяйство имѣетъ эту сторону не только потому, что какъ всякое промышленное производство, оно по необходимости соприкасается своимъ сбытомъ со всѣми общественными и экономическими явленіями государства и всего міра, съ отечественными и всемірными промышленными рынками,

(1) Труды, 1856 г. № 5.

но также и потому (и это главное), что въ немъ участвуетъ живая человѣческая сила, работникъ-человѣкъ. Какъ бы кругъ сельскаго хозяйства ни обособлялся отъ условій общественной жизни въ другихъ сферахъ, хотя бы всѣ производящіяся въ немъ продукты непосредственно потреблялись на внутреннія нужды самого хозяйства, и всѣ эти нужды удовлетворялись собственными домашними средствами, — все таки явленія въ этомъ кругу принадлежатъ къ разряду явленій общественныхъ и составляютъ предметъ наблюденій не одной только технологіи, но и общественно-экономической науки. Хотя бы иной техникъ — хозяинъ, не признающій правъ политической экономіи на свое хозяйство, отпочковалъ съ своими мѣсячниками (1) въ привольныя Киргизъ — Кайсацкія степи, никакія урочныя положенія, какъ бы зрѣло и бережно они ни были обдуманы посреди степнаго приволья, не въ состояніи разорвать живой, кровной связи между его работниками-мѣсячниками и общей семьей человѣческаго рода, и тамъ, въ глубинѣ степей, подобно тѣни Банко, преслѣдующей Макбета, политическая экономія будетъ неутомимо и неутомимо слѣдить за всѣми хозяйственными распоряженіями и искать пищи для своей пылливой дѣятельности. Что же дѣлать? наука также по своему ненасытима.

Всѣ экономическія явленія въ европейскихъ гражданскихъ обществахъ подлежатъ однимъ и тѣмъ же естественнымъ, непреложнымъ законамъ, которые во времени и пространствѣ допускаютъ значительныя отклоненія и исключенія, но всѣ эти отклоненія и исключенія, вслѣдствіе непреложности законовъ, постепенно тяготеютъ къ однимъ и тѣмъ же уровнямъ, къ однимъ и тѣмъ же нормамъ, которыя всякій практической дѣлатель, какъ бы ни были исключительны условія его дѣятельности, обязанъ знать, чтобы предусмотрѣть естественное развитіе явленій и сообразовать съ нимъ свою практическую дѣятельность. Наконецъ мѣсячники, о которыхъ говоритъ г-нъ Г. Б., принадлежатъ и по происхожденію, и по нравамъ, и по развитію, къ одной и той же средѣ крестьянъ, къ которымъ, какъ мы выше видѣли, обращаетъ князь Ширинскій-Шихматовъ свое благодушное слово: «Трудолюбивая, въ смиреніи провождаемая жизнь, при всемъ

(1) Мѣсячниками называемъ мы хлѣбопашественныхъ дворовыхъ людей, находящихся на всемъ готовомъ отъ помѣщика и работающихъ на него ежедневно.

«непросвѣщеніи вашемъ, можетъ, въ отношеніи къ одному нужному, поставитъ васъ выше многихъ просвѣщенныхъ по міру, «но не могущихъ преодолѣть, противныхъ симъ вашимъ добродѣтелямъ, худыхъ своихъ наклонностей.»

Мы съ намѣреніемъ оговорились; теперь дорога передъ нами открыта, и мы имѣемъ право разсуждать о воззрѣніяхъ на сельское хозяйство, встрѣчаемыхъ нами въ разсматриваемой полемикѣ. Мы будемъ примѣнять къ воззрѣніямъ, высказаннымъ въ этой полемикѣ, понятія политической экономіи.

Съ этой точки зрѣнія скажемъ нѣсколько словъ объ *урочныхъ положеніяхъ*, какъ мы ихъ понимаемъ вообще. Въ урочныхъ положеніяхъ видимъ мы прекрасное намѣреніе нѣкоторыхъ нашихъ помѣщиковъ ввести возможную правильность въ существующій у насъ порядокъ сельскаго хозяйства. Урочныя положенія имѣютъ цѣлю опредѣлить, такъ или иначе, обязанности крестьянъ по хозяйству помѣщика. Всякое подобное опредѣленіе есть само по себѣ, въ какой бы оно ни дѣлалось формѣ, дѣло похвальное, заслуживающее всеобщаго одобренія и сочувствія. Практическая польза возможной опредѣлительности въ работахъ крестьянина очевидна и для самаго помѣщика, и для крестьянина, и для успѣховъ хозяйства. Заслуга всякаго урочнаго положенія должна состоять въ томъ, что оно вноситъ въ хозяйство возможно большую, при существующемъ порядкѣ, гармонию между этими тремя родами пользы. Но и урочныя положенія опредѣляютъ количество крестьянской работы для каждаго предмета хозяйства, на основаніи требованій этого самаго хозяйства; отсюда необходимость разнообразія въ урочныхъ положеніяхъ, разнообразія безконечнаго,¹ какъ безконечно разнообразіе всѣхъ физическихъ, экономическихъ и нравственныхъ условій, входящихъ въ составъ отдѣльныхъ хозяйствъ, разбросанныхъ на пространствахъ нашего обширнаго отечества. Затѣмъ самое приведеніе въ исполненіе каждаго урочнаго положенія также по необходимости разнообразно, смотря опять по физическимъ, нравственнымъ и экономическимъ условіямъ хозяйства, развивающимся во времени. Итакъ всякое урочное положеніе не только подлежитъ измѣненію для каждой отдѣльной мѣстности, но и безпрестанному измѣненію въ одномъ и томъ же имѣніи. Къ такому убѣжденію мы пришли отвлеченнымъ анализомъ самой сущности урочныхъ положеній; но къ тому же заключенію приводитъ и опытъ. Припомнимъ здѣсь слова многоуважаемаго хозяина нашего, А. И.

Кошелева: «Живя въ моихъ имѣніяхъ пятнадцать лѣтъ почти постоянно и управляя лично своимъ хозяйствомъ, я также составлялъ урочныя положенія, но постоянно убѣждался, что сколько урочное положеніе необходимо, какъ предметъ для соображеній распорядителя, столько оно и невозможно, какъ непремѣнное правило для исполненія. Работы полевыя производятся не въ любое, а во всякое время; пашешь, боронуешь, сѣешь не тогда, когда хочется, то-есть когда земля мягка и погода хороша, но орешь землю, когда, какъ говорятъ крестьяне, числа подошли.» И далѣе: «Могу смѣло сказать, что у меня въ управленіи произвола мало, что я врагъ его; но еще меньше люблю точную опредѣлительность и непремѣнную исполнительность въ урочныхъ положеніяхъ. Работа и вообще управленіе помѣстьями есть дѣло живое. Невозможно человѣку, совершенно опытному, живущему въ деревнѣ, составить непремѣнное положеніе для управленія имѣніями; а тѣмъ меньше понятно, что люди, посѣщающіе свои деревни только временно, пишутъ положенія и передаютъ ихъ прикащикамъ для непремѣннаго исполненія. Управленіе нашими имѣніями особенно затруднительно: все взвѣсить, счесть и отмѣрить невозможно. Это не управленіе паровою машиною, не распорядженіе фабрикою: тутъ жизнь кипитъ въ каждомъ уголкѣ, и если однимъ неумѣстнымъ, несвоевременнымъ распорядженіемъ помѣщикъ или управляющій *лишитъ себя довѣрія крестьянъ*, то его потеря уже невозвратима и невознаградима. Присылка опредѣлительнаго положенія и требованіе точнаго и непремѣннаго исполненія онаго будетъ имѣть слѣдствіемъ или разореніе крестьянъ и разстройство всего хозяйства, или храненіе положенія безъ дальнѣйшихъ послѣдствій въ конторѣ; послѣднее, по глубокому русскому смыслу, всего вѣроятнѣе и всего чаще случается.» (1)

Послѣ всего сказаннаго, естественно рождается вопросъ, что же остается въ урочныхъ положеніяхъ постояннаго, чего же можно ожидать отъ нихъ рѣшительно-благодѣтельнаго для хозяйства, если они подлежатъ такому непрестанному измѣненію? Этотъ постоянный, благодѣтельный элементъ урочныхъ положеній, это обезпеченіе ихъ для хозяйства, заключается очевидно въ ихъ общемъ

(1) Объ урочныхъ работахъ, статья г. Кошелева (Журн. Сельск. Хоз. 1852 г. № 1). Тамъ же см. статьи объ урочныхъ положеніяхъ: гг. С. Ма- слова, Волкова и Марковича.

направленіи, въ общихъ началахъ, положенныхъ въ ихъ основаніе. Въ этомъ смыслѣ урочныя положенія полезны или вредны не только для того имѣнія, для котораго именно составлены, но и для всякаго другаго, которое они могутъ склонить и къ добру, и къ злу. Итакъ, въ урочныхъ положеніяхъ важна для насъ не буква, а важенъ духъ; и въ хозяйствѣ важна не форма, въ которую онъ облекъ правила, руководствующія его въ дѣлѣ хозяйства, а тѣ нравственныя начала, которыя онъ положилъ въ нихъ какъ свою цѣль, какъ свой идеаль. Намъ нѣтъ дѣла до частныхъ дѣйствій и распоряженій хозяина; мы хотимъ знать ихъ общее направленіе, его нравственныя и экономическія воззрѣнія. Съ этой точки зрѣнія позволимъ мы себѣ нѣкоторыя замѣчанія на возбужденную нынѣ полемику объ урочныхъ положеніяхъ, не входя въ ту дѣйствительную и практическую пользу, которую они могутъ имѣть, и, вѣроятно, имѣютъ (мы вполне готовы вѣрить) въ имѣніяхъ, для которыхъ написаны, ибо, повторяемъ, въ практикѣ нашего сельскаго хозяйства, при существующемъ порядкѣ, все зависитъ отъ исполненія.

Въ самомъ началѣ своей критики на урочныя положенія, г. Кучинскій весьма справедливо замѣчаетъ, что всякое усовершенствованіе въ сельскомъ хозяйствѣ должно обнимать все отрасли его; то-есть, какъ мы понимаемъ эту мысль, должно служить къ преуспѣянію не одного только какого-нибудь экономическаго элемента, входящаго въ составъ хозяйства, не одной только силы, не одного только интереса, а къ гармоническому развитію и преуспѣянію всѣхъ относящихся сюда интересовъ. Высказанное г. Кучинскимъ положеніе кажется намъ не только неоспоримо-справедливымъ, но и въ высшей степени плодотворнымъ и благодѣтельнымъ. Каждое отдѣльное сельское хозяйство представляется въ дѣйствительности какъ одно цѣлое, соединяющее въ себѣ многія и весьма разнообразныя частныя, общественныя и государственныя потребности, цѣли, интересы; такъ: производство предметовъ, удовлетворяющихъ частному и общественному продовольствію, хлѣба, овощей, мяса, лѣснаго товара и проч.; извлеченіе дохода, вознаграждающаго хозяина за затраченные имъ капиталы и за его дѣятельность; развитіе собственно крестьянскаго хозяйства; улучшеніе быта крестьянъ, какъ нравственнаго, такъ и вещественнаго; успѣхи самой науки сельскаго хозяйства и, наконецъ, многіе государственныя интересы, находящіе свое обезпеченіе въ сельскомъ хозяйствѣ: прочная и необходимая для

государственнаго благоустройства осѣдность населенія, численное нарощеніе народа, потребности заграничнаго торга, столь важнаго въ развитіи народныхъ и государственныхъ силъ, и т. д. Изъ этого бѣглаго очерка, который далеко не исчерпываетъ предмета, уже видно, сколько условій и интересовъ народной и государственной жизни сопрягаются въ каждой, даже отдѣльной единицѣ сельскаго хозяйства. Хотя въ природѣ вещественной и нравственной всѣ условія бытія, всѣ силы, элементы и затѣмъ интересы, по непреклонному закону, сами собой съ теченіемъ времени приходятъ къ равновѣсію; но это стремленіе всѣхъ силъ ко взаимному равновѣсію совершается иногда очень долго, и человѣческія усилія, по своему упорству или невѣдѣнію законовъ природы, противодействующія естественному развитію вещей, могутъ замедлить его на неопредѣленное время. Потому, возвращаясь къ настоящему частному случаю, мы скажемъ, что во всякомъ отдѣльномъ хозяйствѣ и во всей совокупности хозяйствъ, желательно именно такое направленіе, которое бы не поощряло исключительно одни интересы во вредъ другимъ, а стремилось къ возможно-болѣе гармоническому сопряженію и развитію всѣхъ безъ изыятія интересовъ.

Къ такимъ мыслямъ привело насъ положеніе, высказанное г. Кучинскимъ; мы нисколько не утверждаемъ, что онѣ заключаются непременно въ его словахъ, мы не навязываемъ нашихъ мыслей никому. Но мы позволяемъ себѣ однако думать, что намъ весьма близки выставленные имъ примѣры исключительнаго развитія одной отрасли хозяйства во вредъ другимъ; такъ онъ говоритъ: кто, увлекаясь временными доходами, продаетъ лѣсъ на вырубку, такъ-сказать до пня, тотъ производитъ вѣковой ущербъ въ топливѣ и строительномъ матеріалѣ себѣ и будущимъ поколѣніямъ; кто, не живя самъ въ имѣніи, требуетъ, чтобы доходы съ него были не ниже заранѣе опредѣленной имъ цифры, или допускаетъ управляющаго къ неограниченной власти, напримѣръ, подъ видомъ сохраненія нравственности, принуждать крестьянъ продавать сельскіе продукты не въ городахъ, по вольной цѣнѣ, а въ господскомъ дворѣ, тотъ истощаетъ свои земли, уничтожаетъ господскія и экономическія строенія, вообще доводитъ своихъ крестьянъ до жалкаго обѣдненія; кто, въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, отдаетъ своихъ крестьянъ въ постороннія работы, тотъ и въ будущемъ году лишаетъ ихъ хлѣба; кто непомѣрными работами обременяетъ и крестьянъ и скотъ, и т. д.

Г-нъ Г. Б. возстаетъ противъ г-на Кучинскаго, и вмѣсто какого-нибудь серіознаго возраженія, презрительно называетъ выставленные послѣднимъ примѣры *азбукой сельскаго хозяйства*. Но развѣ это возраженіе, развѣ азбука уже до такой степени общеизвѣстна? Да и разнаго рода бываютъ азбуки; на примѣръ положенія: вода стремится на земной поверхности къ однимъ и тѣмъ же уровнямъ — азбука физики; всякая обязанность ведетъ съ собою какое-нибудь право — азбука юридической науки; кривая линия заключаетъ въ себѣ больше условій для красоты, чѣмъ ломаная — азбука науки объ изящномъ; цѣна всякаго товара зависитъ отъ предложенія и требованія, свободно другъ съ другомъ соперничающихъ, — азбука политической экономіи; трудъ есть такой же товаръ, какъ и всякій другой предметъ — также азбука той же науки, и т. д. Но неужели вся эта азбука до такой степени общеизвѣстна и такъ *общепринята въ практикѣ*, что не стоить о ней и говорить?

Приступая къ разбору урочныхъ положеній, г. Кучинскій говоритъ, что уроки могутъ приносить пользу только при условіи, *чтобы они не изнуряли ни людей, ни скотъ*. Для удовлетворенія этому требованію, г. Кучинскій предлагаетъ: или чтобы въ основаніе общей нормы уроковъ была принята единица тягловаго работника слабаго сложенія, со слабою же лошадей, или же чтобы всѣ тягловые работники и скотъ были раздѣлены по крайней мѣрѣ на двѣ категоріи, сильныхъ и малосильныхъ, и чтобы затѣмъ всѣ уроки были раздѣлены на болѣе трудные (для первыхъ) и болѣе легкіе (для вторыхъ). Можно было спорить о большей или меньшей трудности осуществленія этой мысли на практикѣ, о средствахъ приведенія ея въ исполненіе, но конечно не о самой мысли. Между тѣмъ г-нъ Г. Б. отвѣчаетъ, что въ случаѣ назначенія уроковъ сообразно съ малосильными рабочими, *мы будемъ всѣ безъ хлѣба* (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ: «уроки намъ даетъ сама природа: она указываетъ, когда, гдѣ и что должно дѣлать; какъ разнообразна она сама, такъ разнообразны и уроки. Общія ея правила составляютъ не фоліантъ урочнаго положенія, а соотвѣтственные, общія правила рациональнаго сельскаго хозяйства, какъ науки.» (2)

Первое возраженіе, не разъ и съ особенною настойчивостью

(1) Труды 1856 г. № 5, Хоз. Пол. ст. 3.

(2) Тамъ же, ст. 4.

повторяемое авторомъ по поводу упрековъ, высказанныхъ г. Кучинскимъ относительно разныхъ урочныхъ положеній, въ томъ, что они превосходятъ силы работниковъ, обратило особенное наше вниманіе.

Если, при однихъ и тѣхъ же способахъ производства, количество работы меньше, то ясно, что и количество произведеній должно быть также меньше. Конечно, это понимаетъ и г. Кучинскій и всякій другой хозяинъ. Но неужели это можетъ быть серіознымъ возраженіемъ противъ возникшаго съ чьей-либо стороны замѣчанія на несоразмѣрность урока съ силами крестьянина въ помѣщичьемъ хозяйствѣ? Помѣщикъ не только производитель хлѣба, но и попечитель своихъ крестьянъ, и, слава Богу, мы видимъ это на дѣлѣ; ибо еслибъ всѣ помѣщики смотрѣли на себя только какъ на производителей, и преслѣдовали цѣли производства до истощенія производительныхъ силъ, то тогда конечно крестьяне давно не были бы въ состояніи работать, и хлѣба въ самомъ дѣлѣ бы не было. Крестьянская работа — не работа машины, которую заставляютъ дѣйствовать столько-то времени, потому что нужно, чтобы она выработала столько-то товара. Однимъ словомъ, необходимое количество произведеній сельскаго хозяйства, конечно, не можетъ быть мѣриломъ количества работы, требуемой помѣщикомъ отъ своего крестьянина, и никакое урочное положеніе не можетъ принимать это мѣрило себѣ за основаніе. Иначе, урочное положеніе обращается въ таблицу для учета работы машины и для контроля надъ людьми, присматривающими за ходомъ машины. Но намъ угрожаютъ не только уменьшеніемъ производства, а даже всеобщимъ голодомъ; другими словами, г. Г. Б. защищаетъ урочныя положенія, обвиняемыя въ несоразмѣрности ихъ съ силами работниковъ, *во имя общественной необходимости*. Стало-быть, здѣсь предлежитъ вопросъ: въ какой степени выставленная общественная или государственная необходимость оправдываетъ масштабъ работы въ урочныхъ положеніяхъ? Но намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ не требуетъ никакого разрѣшенія, ибо онъ поставленъ совершенно неправильно и отпадаетъ самъ собою. О какой работѣ и о какомъ хлѣбѣ идетъ здѣсь рѣчь? Объ обязательной работѣ крестьянъ на помѣщика въ вознагражденіе за землю, которою они отъ него пользуются, и о хлѣбѣ, производимомъ этою работою. Очевидно, что это количество работы и это количество хлѣба не исчерпываютъ всей работы, которую производитъ и можетъ производить земле-

дѣлецъ, и всего того хлѣба, который воздѣлываетъ и можетъ воздѣлывать земледѣлецъ. Количество же всякаго производства вообще и хлѣба въ томъ числѣ, и количество труда, жертвуемаго производителемъ на производство, соразмѣряются съ требованіемъ на произведенія, существующимъ на отечественныхъ и иностранныхъ рынкахъ. Масса произведеній и масса труда, нужныхъ на ихъ производство, по необходимости всегда соразмѣрны требованію, ибо отъ большей или меньшей степени этого требованія зависятъ большее или меньшее вознагражденіе за произведенія и за трудъ, выраженное или въ формѣ платы за работу или платы за произведенія. Такимъ образомъ, при промышленномъ соперничествѣ производителей и потребителей, трудъ самъ собою, естественнымъ ходомъ вещей, приливаетъ къ тому производству, которое представляетъ болѣе вознагражденія. При такомъ порядкѣ, опасеніе за недостатокъ производства хлѣба въ нашемъ отечествѣ еще неумѣстнѣе, когда Европа открываетъ намъ богатый и постоянно усиливающийся сбытъ, и затѣмъ самое вѣрное вознагражденіе за труды нашего земледѣльца. Чтò касается до опредѣленія нормы обязательной работы въ хозяйствѣ, то норма эта не устанавливается сама собою отношеніемъ требованія произведеній къ предложенію, какъ при всякомъ другомъ порядкѣ хозяйства; она опредѣляется попеченіемъ помѣщика, и потому весьма естественно, при такомъ положеніи дѣла, опасеніе хозяевъ не обременить земледѣльца чрезмѣрнымъ трудомъ, и затѣмъ весьма послѣдовательна попытка назначать работы сообразно нормѣ слабосильнаго работника, чтобы не впасть въ ошибочное распредѣленіе труда. Неужели эта попытка могла подлежать какому-нибудь порицанію или осужденію?

На второе возраженіе г-на Г. Б., что уроки даетъ сама природа и преподаетъ наука раціональнаго сельскаго хозяйства, мы скажемъ, что это наука техническая, то-есть наука, поучающая насъ *съ возможно-большою для насъ выгодною пользою пользоваться бездушными силами природы*, и чтокъ ней нисколько не относится вопросъ объ урочныхъ положеніяхъ, въ которыхъ должно искать *способа пользоваться силами одушевленными, съ возможно-большою пользою не только для насъ, но и для самихъ этихъ силъ*. Въ этомъ-то и заключается самое существенное различіе наукъ техническихъ и наукъ общественныхъ, воззрѣній, построенныхъ на основаніи первыхъ и вторыхъ; пространство, раздѣляющее эти двѣ науки, раздѣляетъ можетъ-быть и насъ съ г-мъ Г. Б.

За этими общими воззрѣніями слѣдуетъ упорный и продолжительный споръ, могутъ ли крестьянинъ, баба и лошадь вспахать, взборонать, сжать и проч. столько-то въ день, или не могутъ. Мы не будемъ входить въ подробности этого спора, но не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ взглядахъ, прорывающихся иногда намѣренно, иногда невольно, въ жару этихъ преній.

Разсматривая урочное положеніе села Гладкова (Саратовской губерніи), г. Кучинскій между прочимъ доказываетъ, что установленный тамъ урокъ сжатія одной десятины въ 700—800 сноповъ пятичетвертнаго вяза однимъ тягломъ, то-есть, работникомъ и бабою, въ три дня, совершенно несоразмѣренъ съ ихъ силами. Г-нъ Г. Б. говоритъ, что для опроверженія этого мнѣнія достаточно сослаться на практическій опытъ: во первыхъ, наемное тягло въ хлѣбородныхъ губерніяхъ всегда управляется въ три дня съ означеннымъ количествомъ сноповъ; во вторыхъ, нянька г-на Г. Б. удостовѣряетъ, что она всегда исполняла это количество работы надъ собственной своею рожью. Ссылки на наемныхъ работниковъ, г-нъ Г. Б. повторяетъ не разъ. Но еслибъ такъ легко можно было брать мѣрило для уроковъ барщинной работы въ наемныхъ и собственныхъ работахъ крестьянъ, то очевидно, что задача составленія урочныхъ положеній упростилась бы до чрезвычайности. Но неужели точно такъ же не очевидно, что это рѣшительно невозможно? Хотя на барщинѣ крестьянинъ точно такъ же трудится для себя и для своего личнаго интереса, какъ и въ наемныхъ и собственныхъ работахъ, ибо въ вознагражденіе за барщину онъ получаетъ въ свое пользованіе землю отъ помѣщика; но это умозрѣніе, весьма понятное для насъ, представляется въ головѣ крестьянина весьма смутно. Въ работѣ же собственной или по найму, прибыль является для крестьянина въ самой осязательной формѣ; какъ бы ни было недостаточно понятіе его о значеніи личнаго интереса, онъ для него практически ясенъ, не хуже чѣмъ для самыхъ ученыхъ изслѣдователей смысла и вліянія личнаго интереса въ обществѣ. Личный же интересъ подвигаетъ человѣка къ такимъ усиліямъ, къ такому труду, которые весьма часто, можно даже сказать, безпрестанно превосходятъ нормальную мѣру его силъ. Нанимаясь, или предпринимая работу на себя, человѣкъ самъ судья того количества труда, которое беретъ на себя; конечно, и нанимающей обязанъ, по долгу христіанскаго челоуѣколюбія, не пользоваться до крайняго предѣла положеніемъ наемника, но это только обязанность челоуѣколюбія, а не экономическая. Не такъ

бываетъ въ урочныхъ положеніяхъ, и это очень хорошо понимаютъ всѣ ихъ составители. Иначе не было бы тѣхъ споровъ, той полемики; мѣрило труда было бы подъ рукою, и даже весьма выгодное для хозяйства. Стоило бы только взять въ расчетъ наибольшее количество труда наемнаго работника, и даже, что еще проще, безъ мелочныхъ статистическихъ изслѣдованій о наемныхъ работахъ въ той и другой мѣстности, можно бы обратиться къ ученымъ естествоиспытателямъ и просить ихъ опредѣлить мѣру труда и усилій, возможныхъ для человѣка, принимаемаго за механической снарядъ. Такими вопросами ученые уже не разъ занимались, — конечно съ другою цѣлю. Задача урочныхъ положеній была бы разъ навсегда разрѣшена, и самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Вотъ къ какому результату приводятъ возраженія г-на Г. Б. Но выведенный нами результатъ можетъ не устрашить г-на Г. Б. Онъ не разъ повторяетъ въ своей статьѣ противъ возраженій противника, выступающаго чрезвычайную трудность нѣкоторыхъ крестьянскихъ работъ, что трудъ необходимъ, что трудъ — наша нравственность и совѣсть, что онъ невысшаеетъ человѣка, что необходимо напряженіе силъ, что намъ заповѣдано въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой, что «помѣщики, у которыхъ крестьяне въ праздности, наказываются отъ Бога разореніемъ за то, что поощряютъ этимъ ихъ къ нерадивости, пьянству, воровству и разврату (1). Итакъ, трудъ крестьянина, до какого бы онъ ни доходилъ напряженія, не можетъ испугать г-на Г. Б., который видитъ въ такомъ трудѣ средство нравственнаго совершенствованія. Но что сказалъ бы онъ, если крестьяне его имѣнія, проникнутые глубокою благодарностію за такое о нихъ попеченіе, и вздумавъ доказать свою признательность на дѣлѣ, даже рѣшившись довести свое самоотверженіе до забвенія собственныхъ своихъ душевныхъ благъ, станутъ, нерадивымъ и беспечнымъ исполненіемъ его распоряженій, какъ можно болѣе возбуждать его къ напряженной дѣятельности, чтобы какъ можно болѣе облегчить ему путь нравственнаго совершенствованія?..

Г. Кучинскій выражаетъ весьма филантропическое желаніе, чтобы бабы начинали и оканчивали полевые работы по спаденіи утренней и до появленія вечерней сырости. Г-нъ Г. Б. не признаетъ вреднаго вліянія сырости на работницу, но почему? Потому, что дѣти помѣщиковъ бѣгаютъ въ саду, и въ шесть часовъ

(1) Тамъ же, стр. 11.

утра и въ десять вечера. Здѣсь опять занимателенъ не споръ, а характеръ доводовъ. Послѣ примѣра, приведеннаго г-мъ Г. Б., весьма было бы послѣдовательно, еслибъ какой-нибудь помѣщикъ, увидавъ петербургскихъ дамъ, танцующихъ нѣсколько дней сряду съ десяти часовъ вечера до пяти утра, сталъ бы, по пріѣздѣ въ свою вотчину, заставлять бабъ плясать такое же число часовъ передъ господскимъ домомъ для увеселенія своего досуга.

Но пора, давно пора покинуть этотъ споръ; тѣмъ, что мы сказали, кажется достаточно обозначены главныя его черты и характеръ. Однако, чтобы намъ не могло быть сдѣлано справедливаго упрека въ неполнотѣ изложенія важнѣйшихъ предметовъ полемики, мы обязаны упомянуть еще объ одномъ, имѣющемъ немаловажное значеніе. Г-нъ усманскій помѣщикъ говоритъ мимоходомъ, во введеніи къ своимъ урочнымъ положеніямъ, какъ было сказано выше, о незначительной разницѣ въ рабочихъ силахъ двухъ своихъ имѣній; эта незначительная разниця состоитъ, по его словамъ, въ томъ «что въ одномъ изъ нихъ (сельцѣ N^{***}) бѣдные крестьяне, состоя на мѣсячинѣ, считаются дворовыми рабочими, ежедневными тяглами, работая на господскихъ лошадяхъ и господскими орудіями». Такіхъ крестьянъ показано авторомъ, по сельцу N^{***}, пять тяголъ. Противникъ г-на Г. Б., въ обозрѣваемой нами полемикѣ, г. Кучинскій, разбирая урочное положеніе, составленное первымъ для сельца N^{***}, не могъ не остановиться на описанной самимъ помѣщикомъ особенностяхъ въ положеніи рабочихъ силъ сельца N^{***}, хотя, по мнѣнію послѣдняго, и незначительной. Вникая въ эту особенность и замѣчая, что всякій крестьянинъ считаетъ для себя униженіемъ и большимъ несчастіемъ лишиться своего дома, своей усадьбы и своего деревенскаго хозяйства, и что пять тяголъ, которыя оставили собственныя свои усадьбы, живутъ на господскомъ дворѣ какъ бы батраками, безъ скота и собственности, ежедневно работая съ помощію помѣщичьихъ лошадей, г. Кучинскій заключаетъ, что крестьяне сельца N^{***} бѣдны. Г-нъ Г. Б. не доволенъ такимъ выводомъ и находитъ, что въ немъ нѣтъ правильной, логической послѣдовательности. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «дворовые, кромѣ жилищъ, одежды, мѣсячины (пищи) и т. п., получаютъ отъ помѣщика же и разводять на господскомъ корму свое собственное хозяйство: скотъ, птицу и имѣютъ всякую другую собственность, а не безъ скота и собственности, какъ могутъ выражаться только люди, не имѣющіе никакого понятія о степномъ хозяйствѣ». Болѣе ничего не

находимъ мы въ его возраженіи по этому предмету; между тѣмъ, при изученіи условій, посреди которыхъ примѣнялось его урочное положеніе, предметъ этотъ возбуждаетъ наше любопытство. Допустимъ охотно, что г. усманскій помѣщикъ далеко превосходитъ насъ въ опытности по степному хозяйству, мы однако не согласны, чтобы пять тяголъ мѣсячниковъ — хлѣбопашцевъ сельца N*** можно было называть незначительною разницею въ рабочихъ силахъ. Съ точки зрѣнія техники сельскаго хозяйства, можетъ-быть вся разница состоитъ въ томъ, что одни тягла работаютъ шесть дней въ недѣлю, а другія три дня, что съ первыми хозяйство располагаетъ такимъ-то количествомъ силъ, со вторыми, — такимъ-то. Съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ спорить; г. усманскому помѣщику ближе должно быть извѣстно, который приводъ силъ выгоднѣе, котораго содержаніе или ремонтъ обходится дешевле, и который изъ двухъ приводовъ доставляетъ болѣе двигающей силы. Этотъ вопросъ разрѣшается его конторскими книгами и четырьмя правилами ариѳметики. Но сельское хозяйство, по самой своей сущности, должно заключать въ себѣ, кромѣ условій выгоднаго промышленнаго производства, условія благосостоянія крестьянъ. И въ законодательствѣ нашемъ находимъ мы благія на это указанія. Такъ, въ Св. Зак. (изд. 1842 г.) Т. IX (Зак. о сост.) ст. 1015, сказано: «помѣщикъ долженъ пецись о приведеніи деревень и крестьянъ своихъ въ лучшее состояніе, стараясь, чтобы они не оставляли земли своей праздно, а давая имъ нужные къ тому способы». На этомъ пути попеченія и приведенія крестьянъ въ лучшее состояніе, надѣленіе ихъ достаточнымъ количествомъ земли представляется, въ видахъ законодателя, одною изъ важнѣйшихъ мѣръ, ибо вслѣдъ за изложенною нами статьею закона, постановлено (ст. 1016), что въ случаѣ просрочки закладной на имѣніе, или продажи земли отдѣльно отъ имѣнія, если останется у крестьянъ менѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, помѣщикъ обязанъ въ теченіи года или пріобрѣсти или дать имъ другой земли, соразмѣрно количеству душъ, или продать другимъ съ тѣмъ, чтобы крестьяне были надѣлены вышеозначенною пропорціею земли; *въ противномъ случаѣ законъ угрожаетъ отобраніемъ крестьянъ въ казенное вѣдомство* и водвореніемъ на казенныхъ земляхъ, по распоряженію правительства. Дѣйствительно, что же можетъ лучше обезпечить благосостояніе крестьянина, какъ не извѣстный участокъ земли, находящійся въ постоянномъ, возможно-неприкосновенномъ его пользованіи, и даже

что другое, если не этотъ порядокъ можетъ хотя сколько-нибудь обезпечить его благосостояніе? Чѣмъ лучше можетъ быть связанъ его интересъ съ интересами того хозяйства, къ участию въ которомъ онъ призванъ, какъ не предоставленіемъ въ его владѣніе части той самой земли, на которой производится это хозяйство? Наконецъ, какъ необходимый результатъ послѣдней мысли, въ чемъ же больше ручательства за возбужденіе между земледѣльцами симпатіи къ существующему порядку вещей? Болѣе вѣрное обезпеченіе во всѣхъ этихъ отношеніяхъ можетъ представить только присутствіе въ сферѣ сельскаго хозяйства извѣстнаго количества поземельной собственности земледѣльца, но при отсутствіи этого элемента остается вникнуть въ благія указанія дѣйствующаго законодательства и воспользоваться имъ для улучшенія благосостоянія крестьянъ. Такъ, въ связи съ сдѣланными уже нами ссылками, находится постановленіе закона (1), чтобы владѣльцы, налагая на крѣпостныхъ своихъ людей всякія работы и повинности, непременно оставляли имъ на собственныя ихъ работы положенное закономъ число дней, то-есть, три дня въ недѣлю (2). Мы вполне готовы вѣрить г-ну усманскому помѣщику, что ежедневныя хлѣбопашественныя тягла въ его имѣніи не находятся въ разореніи, но признаемся, никакъ не можемъ уяснить себѣ, не только какую они могутъ имѣть собственность (какъ онъ утверждаетъ), но какое даже понятіе они могутъ имѣть объ этомъ важномъ общечеловѣческомъ, общественномъ и экономическомъ учрежденіи, когда ихъ хозяйство, семейства, скотъ, птицы и пр. состоятъ на господскомъ корму (какъ онъ самъ говоритъ), какія могутъ быть ихъ отношенія къ подобной собственности, какой существуетъ въ ихъ хозяйствѣ экономическій расчетъ, когда всѣ расходы падаютъ на счетъ помѣщика, а вся прибыль достается имъ, какое при подобномъ порядкѣ можетъ быть въ нихъ побужденіе къ труду и къ сбереженію, одному изъ главнѣйшихъ условій всякаго хозяйства, одному изъ важнѣйшихъ охранительныхъ элементовъ и общества, и государства; наконецъ не понимаемъ, въ какомъ видѣ должно быть ихъ хозяйство, когда имъ остаются для своихъ работъ только воскресные и праздничные дни, посвящаемые во всѣхъ христіанскихъ обществахъ отдохновенію и молитвѣ? При такомъ положеніи вещей, намъ уже не удивительно, что

(1) Св. Зак. Т. IX ст. 964.

(2) Св. Зак. Т. IX ст. 965.

г. Г. Б. такъ часто упоминаетъ о безпечности, нерадѣнн, пьянствѣ, между крестьянами-мѣсячниками. Хотя числительность этого рода тяголь въ имѣннн его и не велика, но насъ пугаетъ подобное нововведеніе какъ сѣмя общественной болѣзни, нашедшей себѣ пищу въ бытѣ нашихъ крестьянъ, при внутреннихъ условіяхъ этого быта, казалось бы вовсе ей чуждыхъ, — болѣзни, принадлежащей къ одному разряду общественныхъ недуговъ съ такъ-называемымъ пролетаріатомъ. Видя это явленіе въ одномъ изъ имѣннн г-на усманскаго помѣщика, мы имѣемъ право спросить, къ чему же служатъ составленныя имъ урочныя положенія? Или они не достигаютъ своей цѣли, или, если достигаютъ, то эта цѣль не обнимаетъ всѣхъ интересовъ сельскаго хозяйства.

Такова хозяйственная полемика, встрѣченная нами въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» и въ «Экономическихъ Запискахъ». Раскрытыя нами воззрѣнн, мало-по-малу развивавшіяся въ теченн всей полемики, таились, впрочемъ, какъ въ зернѣ, въ изложенномъ нами выше введенн къ урочнымъ положеніямъ усманскаго помѣщика, г-на Г. Б., и отдавая каждому должное, мы должны отдать справедливость и ему въ строгой послѣдовательности убѣжденнй. Необходимость усиленн работъ привела его къ урочнымъ положеніямъ, говоритъ онъ намъ; неудобствами сгонной работы представляетъ онъ намъ между прочимъ то, что машины его, работая только три дня въ недѣлю, будутъ стоять полгода безъ дѣйствія, то-есть, будутъ работать менѣе; наконецъ, какъ доказательство успѣшности введеннаго имъ порядка, онъ указываетъ на свои доходы.

Теперь пора привести къ одному средоточію разнообразіе фактовъ и мыслей, которыхъ коснулись мы въ этой статьѣ.

Мы представили группу явленнй изъ сферы благотворительной дѣятельности и потомъ другую группу явленнй, изъ сферы хозяйственно-полемиической. Та и другая группа явленнй явились на свѣтъ, чтобы служить для всѣхъ примѣромъ; это именно выражено и многоуважаемымъ авторомъ сказанія о дворянахъ-благотворителяхъ (1), и составителемъ урочныхъ положеннй, усманскимъ помѣщикомъ, г-мъ Г. Б. (2). Между тѣмъ, явленія той и другой сферы, и связанныя съ ними воззрѣнн совершенно другъ другу противоположны; эта противоположность, конечно, уже была

не разъ замѣчена всѣми читателями. Отсюда необходимый разладъ въ душѣ читателя: которому изъ двухъ примѣровъ слѣдовать, за кѣмъ идти? за князьями Ширинскими-Шихматовыми, или за усманскимъ помѣщикомъ, г-мъ Г. Б.? Но намъ, и вмѣстѣ съ нами многимъ другимъ неопытнымъ, хотѣлось бы просвѣтитися примѣромъ опытности; при настоящемъ чрезвычайномъ оживленн промышленности въ нашемъ отечествѣ, всѣмъ сердцемъ хотѣлось бы знать за что приняться, какъ взяться въ сельскомъ хозяйствѣ, которое также не можетъ отставать отъ всеобщаго стремленія къ совершенствованн.

Какъ черное подлѣ бѣлаго, такъ подлѣ идиллическихъ вѣрованнй князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ въ чистоту сельской жизни и въ возможность высокаго нравственнаго совершенствованнй поселеннй, являются тщательныя вычисленія силы и практической пользы ихъ мускуловъ, встрѣчаемыя нами въ урочныхъ положеннхъ. Указывая на праздность, какъ на всеобщую, для всѣхъ общественныхъ состояннй равно вредную нравственную заразу, князья Шихматовы, въ пламенномъ попеченн о нравственномъ развитн крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ имъ на умственное просвѣщенн, какъ на самую вѣрную и прочную ограду отъ пороковъ; князья сами, въ потѣ лица своего, стараются внести этотъ благодѣтельный свѣтъ просвѣщенн въ скудную жизнь земледѣльца, жизнь не болѣе нравственно-испорченную, чѣмъ во всѣхъ другихъ общественныхъ состояннхъ, но покрытую болѣе грубымъ слоемъ самыхъ тяжкихъ человѣческихъ усилій, самыхъ тяжкихъ заботъ въ борьбѣ съ природою и нуждою, слоемъ предразсудковъ, не болѣе нелѣпыхъ, чѣмъ во многихъ другихъ сферахъ общественной жизни, но только болѣе разобщающихъ человѣка своею прихотливою оригинальноствю съ другими сферами. Эта грубость понятій земледѣльца не устрашаетъ князей Ширинскихъ-Шихматовыхъ; они садятся возлѣ него и бесѣдуютъ съ нимъ о божественныхъ цѣляхъ земной жизни, объ обязанностяхъ христіанна, на какой бы ступени онъ ни стоялъ на валкой лѣстницѣ общественныхъ отличій, о минувшихъ, историческихъ судьбахъ человѣчества. — Только упорный, напряженный, кровавый трудъ можетъ, по убѣжденнмъ, встрѣченнымъ нами въ полемикѣ, спасти крестьянина отъ прирожденныхъ ему пороковъ: пьянства, разврата, мошенничества, и какой трудъ! трудъ непрерывнаго движенія мускуловъ, трудъ, каждый день тѣмъ же начинающійся и каждый день тѣмъ же оканчиваю-

(1) Дворяне-Благотворители, стр. 22.

(2) Эконом. Зап. 1855 г. № 43 стр. 338.

щійся, позади въ потѣ лица пройденная полоска, и впереди та же полоска, безконечная, теряющаяся только въ туманѣ горизонта, тамъ, гдѣ, по убѣжденію пахаря, конецъ землѣ и конецъ свѣту. — Воспитаніе крестьянъ и приготовленіе ихъ къ гражданской свободѣ поставлены были князьями Шихматовыми подвигомъ и цѣлю всей жизни; они отдали этому подвигу все — и душу, и вещественныя блага; крестьяне, при отпускѣ ихъ на волю, были надѣлены ими съ избыткомъ почти всею принадлежавшею къ имѣнію землею; вещественное вознагражденіе со стороны крестьянъ такъ ничтожно, что оно даже не можетъ назваться вознагражденіемъ и только могло еще болѣе поддержать въ князьяхъ чувство человѣческаго достоинства; возмездія за свой подвигъ ожидали они въ собственной своей совѣсти и въ другой жизни... За то урочныя положенія должны стремиться къ извлеченію прибыли изъ каждой работы, изъ каждой песчинки земли; они должны придать свойство производительности каждому усилію каждаго мускула; при нихъ и машины, вмѣстѣ съ человѣкомъ, должны взойти на такую степень хозяйственнаго совершенства, гдѣ и имъ не дозволяется праздность. Наконецъ, вотъ одно изъ мнѣній, найденныхъ нами въ хозяйственной полемикѣ: «Что же касается до разоренія помѣстій и помѣщиковъ, то, чтобы не вдаваться въ односторонность, должно прибавить къ причинамъ упадка имѣній, происходящимъ иногда отъ безразсудства нѣкоторыхъ помѣщиковъ или отъ недобросовѣстности иныхъ управителей, еще три важныя зла: пьянство, воровство и нерадѣніе, проявляющіяся между рабочимъ классомъ народа и губящія ихъ благосостояніе». (1) Вотъ что пишетъ князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ къ г. Порошину: «Пора, пора дѣйствовать христіанскому братолюбію! Одна эта причина должна бы страшить всѣхъ, что незнаніе правилъ христіанской вѣры удаляетъ навсегда темный умъ отъ вѣчнаго спасенія и блаженства; а сколько такихъ невѣжествующихъ съ нами посреди насъ! Тѣ же, на которыхъ они работаютъ и которые за дѣло рукъ ихъ должны бы воздавать имъ просвѣщеніемъ ума и сердца, смотря на сіе невѣжество, какъ бы оно не заключало въ себѣ никакой важности!» (2)

Итакъ, это двѣ *крайности*; сведемъ къ одной общей характеристикѣ всѣ разбросанныя черты этихъ двухъ группъ обществен-

ныхъ явленій. Какъ бы ни были утомительны для читателей нашъ анализъ и потомъ синтезъ, они необходимы для отысканія истины; мы безпрестанно сталкиваемся въ жизни съ *крайностями*, мы сами состоимъ изъ *крайностей*, и потому не будемъ отворачиваться отъ нихъ: всѣ онѣ имѣютъ свои неотъемлемыя историческія права на жизнь; будемъ неутомимо изучать ихъ и открывать между ними путь для нашей разумной дѣятельности. *Крайности* условливаютъ положеніе *средины*, а путь нашъ все-таки въ этой срединѣ.

Съ одной стороны представляется крайнее выраженіе частной *благотворительной* дѣятельности, съ другой — крайнее выраженіе дѣятельности *частнаго промышленнаго приобрѣтенія*. Побужденія, средства и цѣли той и другой совершенно различны. Благотвореніе, пренебрегая вещественными, временными благами жизни, дѣйствуетъ для удовлетворенія внутренней, душевной потребности христіанской любви, пренебрегаетъ временными вещественными наслажденіями для достиженія высочайшаго блага души; средствомъ для цѣли является самоотверженіе на пользу ближняго, возможно большее пожертвованіе собственныхъ интересовъ жизни для одаренія ими другихъ. Дѣятельность личнаго приобрѣтенія стремится къ возможно-большому полученію временныхъ вещественныхъ выгодъ для себя лично, и съ возможно-большимъ устраненіемъ отъ этого приобрѣтенія всѣхъ другихъ; средствомъ къ этой цѣли является извлеченіе вещественной пользы изъ всѣхъ окружающихъ вещей, общественныхъ отношеній и обстоятельствъ жизни; все это обращается въ служеніе одной личности, все приносится въ жертву ея вещественнымъ интересамъ. Однимъ словомъ, идеалъ первой дѣятельности — *какъ можно больше дать и какъ можно меньше получить*, идеалъ второй — *какъ можно больше получить и какъ можно меньше дать*.

Тотъ и другой родъ дѣятельности не могутъ служить нормами для *общественной экономической* жизни народа. Наука общественной экономіи, поставляя идеаломъ своихъ усилій *всеобщее, возможно равномерное матеріальное благосостояніе* народа, и изучая въ прошедшихъ и въ настоящихъ судьбахъ человѣческихъ обществъ законы развитія народнаго богатства, пришла къ тому убѣжденію, что ближайшимъ путемъ ко всеобщему благосостоянію служить такой порядокъ промышленной дѣятельности, при которомъ всѣ принимающіе въ ней участіе равно выигрываютъ, равно приобрѣтаютъ. Только такія экономическія отношенія пред-

(1) Труды И. В. Э. О. 1856 г. № 5. ст. 2. (хозяйств. полемика).

(2) Дворяне-Благотворители, стр. 58.

ставляютъ ручательство за поступательное движеніе общества на пути къ благосостоянію, въ которыхъ происходитъ *взаимная мѣна услугъ, одинаково выгодная для обѣихъ сторонъ, или для обоюдныхъ личныхъ интересовъ*. Это одно изъ самыхъ основныхъ положеній общественной экономіи, и, что всего важнѣе, выработанное путемъ не умозрительнымъ, а чисто опытомъ. Наука не только *предполагаетъ*, по чистому разуму, что всякое уклоненіе отъ этой нормы экономическихъ отношеній само въ себѣ несправедливо и нераціонально, но *знаетъ* изъ изслѣдованія исторіи человѣческихъ обществъ, что чѣмъ болѣе характеръ экономической дѣятельности всѣхъ народовъ приближается къ этой нормѣ, тѣмъ плодотворнѣе эта дѣятельность, тѣмъ богаче страна и народъ, и что, напротивъ, по мѣрѣ отклоненія въ какую бы то ни было сторону, истощались источники народнаго богатства, и общество клонилось къ своему упадку. *Мѣна услугъ или труда* — вотъ самая общая, самая широкая норма, подъ которую подходятъ всѣ роды экономической дѣятельности народа, всѣ роды сдѣлокъ между частными лицами; никакія особенности экономическихъ отношеній нисколько не мѣшаютъ тому, чтобы общею ихъ нормою была все та же, сколь можно свободная, сколь можно равномѣрно выгодная для обѣихъ сторонъ мѣна. Самымъ лучшимъ судьей выгоды каждой мѣны можетъ быть только та сторона или то лицо, для котораго она должна быть выгодна, и потому всѣ тѣ общественныя учрежденія, которыя клонятся къ тому, чтобы въ лицахъ, участвующихъ въ промышленной мѣнѣ, развивалась матеріальная и нравственная возможность судить и рѣшать выгоду или невыгоду для нихъ мѣны, — всѣ такія общественныя учрежденія способствуютъ развитію народнаго благосостоянія, и наоборотъ.... Но мы отклонились отъ нашего вопроса, для насъ достаточно было только высказать здѣсь *нормальную форму экономической сдѣлки*; здѣсь не мѣсто и не время разсуждать о тѣхъ средствахъ и путяхъ, которыми общество болѣе или менѣе приближается къ этому идеалу.

Теперь мы имѣемъ уже полное право сказать, что ни благотвореніе, жертвующее всѣми своими вещественными выгодами другимъ, ни обособленный въ себѣ самый интересъ частнаго приобрѣтенія, не подходятъ подъ нашу норму; ни благотворительныя воззрѣнія, какъ бы ни были возвышенныхъ побужденія, ни воззрѣнія, встрѣченные нами въ хозяйственной полемикѣ, какъ бы ни были искренни ихъ стремленія къ усовершенствованію отечественной агрономіи, не соответствуютъ воззрѣніямъ общественно-экономи-

ческимъ. О несостоятельности хозяйственно-полемическихъ взглядовъ передъ наукою мы уже много говорили; мы неоднократно силились доказать, что въ нихъ не предполагается того взаимнаго обмѣна выгоды и интересовъ, который составляетъ сущность общественно-экономической дѣятельности. Намъ остается сказать нѣсколько словъ и о *благотвореніи*, которое также имѣетъ притязаніе быть образцомъ, примѣромъ для всѣхъ.

Благотворитель даетъ своему ближнему потому только, что его *любитъ*, онъ жертвуетъ въ его пользу нѣкоторыя вещественныя блага, которыхъ себя лишаетъ, потому только, что *находитъ нравственное наслажденіе въ этомъ лишеніи*; онъ становится на точку, діаметрально противоположную той, на которой стоитъ (или должно стоять, чтобы принять благотвореніе) лицо, пользующееся его даромъ: первый находитъ наслажденіе *въ лишеніи вещественныхъ благъ*, второй *въ полученіи ихъ*. Отсюда необходимо проистекаютъ такія послѣдствія: Основаніемъ и мѣрою благотворенія является желаніе благотворителя блага не себѣ, а ближнему, то есть, *любовь* его; основаніемъ же всякаго вознагражденія, путемъ экономическимъ, служитъ *трудъ* получающаго вознагражденіе и мѣрою — *польза*, которую онъ доставляетъ своимъ трудомъ лицу, дающему вознагражденіе, или же обществу. Въ благотвореніи должны участвовать двѣ стороны, которыхъ интересы *непремѣнно* не только различны, но совершенно противоположны; одна сторона выигрываетъ, наслаждается, — *лишась*, другая выигрываетъ, наслаждается, — *получая*. Въ экономическомъ актѣ интересы тождественны; обѣ стороны выигрываютъ, получая: одна вознагражденіе за свой трудъ, а другая — продуктъ труда (или, что будетъ вѣрнѣе, и послѣдняя сторона, чтобы дать вознагражденіе, должна также трудиться и отдать продуктъ своего труда.) Въ *благотвореніи* — совершенная противоположность интересовъ; въ экономической мѣнѣ — совершенная взаимность. Съ развитіемъ въ обществѣ какой-нибудь благотворительной дѣятельности, должно возрастать число членовъ, съ одной стороны жертвующихъ, а съ другой, получающихъ безъ труда. Еслибъ такой характеръ дѣятельности обратился или долженъ былъ обратиться въ нормальное ея направленіе, то общество, обязанное сообразовать съ нею всѣ прочія условія своей жизни, поставлено было бъ въ необходимость *разсчитывать* на благотвореніе, на *любовь*; чтобы этотъ расчетъ былъ сколько-нибудь проченъ, *благотвореніе, любовь* должны стать обязательными. Но что, по своей сущности, можетъ быть произвольнѣе, прихотливѣе, неувимѣе во всѣхъ своихъ

проявленіяхъ, чѣмъ *любовь*? *Обязанность* и *любовь*, вотъ два слова, которымъ дико и неловко стоять рядомъ. Обязанность любви—это самая страшная тиранія, какую только можетъ придумать человѣческое общество. Съ развитіемъ экономической формы дѣятельности возрастаетъ въ обществѣ *трудъ*, возрастаетъ со всѣхъ сторонъ число трудящихся; на прочность этой формы общество всегда можетъ рассчитывать, ибо тутъ расчетъ не на число *добровольныхъ жертвъ*, а на взаимность, обоюдность интересовъ. Вотъ отношенія общественной экономіи къ благотворительности; но было бы весьма несправедливо, еслибъ мы остановились только на этомъ. Если общественная экономія и не можетъ, и не должна рассчитывать на благотвореніе, какъ на нормальное основаніе всѣхъ экономическихъ сдѣлокъ, то она во всякомъ случаѣ рассчитываетъ на присутствіе въ общественномъ организмѣ этой стихіи любви, которая, хотя и не входитъ въ механизмъ экономического акта, но своею благодатью умягчаетъ жесткость, сглаживаетъ неровности въ его пружинахъ, и, если не производитъ ихъ движенія, то облегчаетъ иногда напряженный ходъ ихъ и работу. Общественная экономія, въ историческомъ развитіи промышленной жизни народа и въ постепенномъ его переходѣ отъ одной формы къ другой, рассчитываетъ на присутствіе въ народѣ или въ нравственно-развитыхъ его слояхъ, — той благотворительной струи, которая должна, если не совершить самый переходъ отъ одного хозяйственного порядка къ другому, то непременно смягчить тѣ нерѣдкіе толчки, съ которыми сопряженъ этотъ переходъ, сообщить общественному организму ту живительную теплоту, которая все облегчаетъ. Здѣсь общественная экономія находится въ положеніи врача, который, у постели больного, не говоритъ ему: *терпите; вы на то молоды, чтобъ терпѣть; наука ничего не можетъ сдѣлать противъ вашихъ страданій*; а говоритъ: *наука можетъ спасти васъ отъ страданій, но только имѣйте довѣріе къ наукѣ; вы молоды, въ васъ много силъ къ выздоровленію*. Общественная дѣятельность, общественное благосостояніе, основанныя на благотвореніи, на человѣческихъ жертвахъ, кто бы ни были эти жертвы, каково бы ни было ихъ прошедшее — это химера, это ложь; но и общество безъ состраданія, безъ *любви*, есть общество или не начавшее жить гражданскою жизнью, или общество въ растлѣніи.

И въ настоящемъ частномъ случаѣ увольненія князьями Шихматовыми крестьянъ своихъ въ свободные хлѣбопашцы, являются тотъ же характеръ и тѣ же отношенія его къ общественной эконо-

номіи, какъ и во всякомъ благотворительномъ дѣлѣ. Мы всѣмъ сердцемъ нашимъ сочувствуемъ великодушному подвигу дворянъ-благотворителей, какъ отдѣльному случаю, но признаемся, не только не считаемъ возможнымъ возведенія этого личнаго подвига въ примѣръ, но даже не желали бы подобной *нормы* для дѣятельности нашихъ помѣщиковъ, въ кругу ихъ сельско-хозяйственной жизни, еслибъ эта норма и была возможна.

Мы вполне увѣрены, что тѣ чувства самоотверженія, которыя мы нашли въ подвигѣ князей Шихматовыхъ, воодушевляють многихъ нашихъ хозяевъ, что тѣ благія намѣренія къ водворенію благосостоянія въ бытѣ крестьянъ близки къ сердцу всѣхъ хозяевъ, — но могутъ ли они, при всемъ своемъ сочувствіи къ подвигу такого самоотверженія, отдаться ему до такой степени, чтобъ совершенно отвлечься, подобно князьямъ Шихматовымъ, отъ прямыхъ естественныхъ выгодъ своей хозяйственной, промышленной дѣятельности? Эта дѣятельность налагаетъ на нихъ не менѣе важныя обязанности, какъ относительно матеріальнаго обезпеченія собственныхъ ихъ семействъ, такъ и относительно извлеченія изъ хозяйства достаточнаго и справедливаго вознагражденія за ихъ личные труды въ распоряженіи по имѣнію и за затраченные капиталы. Эти капиталы — справедливый плодъ сбереженія, трудовъ, можетъ-быть тяжкихъ усилій, или настоящихъ хозяевъ, или нѣсколькихъ поколѣній, законно-приобрѣтенная собственность цѣлыхъ родовъ. Земледѣльская промышленность и всѣ разнообразныя, тѣсно связанныя съ нею отрасли сельскаго хозяйства, составляютъ для сословія помѣщиковъ самый естественный кругъ дѣятельности и по семейнымъ преданіямъ, и по направленію воспитанія и образованія; выборъ другихъ занятій бываетъ нерѣдко сопряженъ съ чрезвычайными затрудненіями, иногда даже вовсе невозможенъ. А всякая промышленная дѣятельность тогда только можетъ имѣть успѣхъ, когда общаетъ необходимое, вещественное вознагражденіе. Но если мы даже предположимъ возможность подобнаго забвенія вещественныхъ выгодъ, или, съ другой стороны, возможность (тѣмъ или другимъ способомъ вознагражденія) отвлечь затраченные капиталы отъ сельскаго хозяйства и отъ поземельной собственности, то это далеко не будетъ дѣломъ желательнымъ, далеко не будетъ сообразно съ пользами государства и общества. Для правильного развитія и усовершенствованія сельскаго хозяйства, одного изъ основныхъ элементовъ народнаго и государственнаго благосостоянія, необходимо, чтобы въ главѣ его находились наука и капиталъ; покинутое умственными и вещест-

венными капиталами, сельское хозяйство, при современныхъ, повсемѣстныхъ успѣхахъ всѣхъ его отраслей, было бы осуждено на совершенный застой и несостоятельность. Затрата капиталовъ не только необходима для самаго производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ томъ размѣрѣ, какого требуетъ и внутреннее, и заграничное потребление: для удобрення почвы, улучшения скота, распространения земледѣлія на невоздѣланныхъ еще пространствахъ, для правильного лѣсоводства и такъ далѣе, — но необходима также для выгоднаго сбыта произведеній и для разныхъ усовершенствованій, сопряженныхъ съ какимъ-нибудь рискомъ. За тѣмъ только просвѣщенная дѣятельность, сколько-нибудь знакомая съ здоровыми началами науки сельскаго хозяйства, можетъ выдвинуть земледѣліе изъ колеи коснѣнія и предразсудковъ. Все это совершенно недоступно для крестьянскаго хозяйства, въ какомъ бы оно ни было благосостояніи; даже для своего собственнаго развитія оно требуетъ образцоваго помѣщичьяго хозяйства.

Итакъ, говоря о воззрѣніяхъ, встрѣченныхъ нами въ хозяйственной полемикѣ, мы должны были выставить *необходимость развитія и улучшения хозяйства и быта земледѣльцевъ*, какъ бы упущенныхъ изъ вида при исключительной заботливости о выгодахъ сельско-хозяйственнаго производства; говоря о благотворительномъ подвигѣ, разказанномъ въ книжкѣ г-на Порошина, мы должны были выставить *необходимость прибыльнаго развитія дѣятельности землевладѣльцевъ* и также *необходимость успѣховъ земледѣлія*, какъ бы упущенныхъ изъ вида при исключительномъ, хотя и прекрасномъ увлеченіи благотворительнаго подвига. Таковы дѣйствительно три необходимыя стороны всякаго сельскаго хозяйства, три главные элемента, которые открываются въ немъ съ общественно-экономической точки зрѣнія; только при дружномъ, возможно-болѣе гармоническомъ развитіи всѣхъ этихъ трехъ элементовъ, можно ожидать отъ сельскаго хозяйства здраваго и правильнаго преуспѣянія на пользу общества и государства. Таковъ, дѣйствительно, экономическій путь, на которомъ сходятся всѣ крайности, увлекающіяся то въ ту, то въ другую, то въ третью сторону: то къ исключительной заботливости о бытѣ поселянъ, съ пожертвованіемъ интересовъ хозяйственныхъ и общественныхъ, то къ исключительному стремленію водворить въ каждомъ хозяйствѣ самыя послѣдніе результаты науки и самыя усовершенствованныя системы земледѣлія. На этомъ пути намъ такъ же близко великодушіе князей Шихматовыхъ, которое мы бы хотѣли

только видѣть въ соединеніи съ нѣкоторыми вещественными выгодами, какъ близокъ и личный интересъ промышленныхъ соображеній, который бы мы хотѣли только видѣть развитымъ до уваженія другихъ интересовъ, то-есть развитымъ до степени общественнаго, а не исключительно частнаго и своекорыстнаго интереса.

Таковъ именно путь, указанный и благими намѣреніями нашего законодательства. Такъ, въ указѣ 1803 года, февраля 20-го, положившемъ начало сословію свободныхъ хлѣбопашцевъ, именно сказано, что при увольненіи въ это званіе, *утвержденіе за ними (помѣщиками) въ собственность земель можетъ во многихъ случаяхъ представить помѣщикамъ разныя выгоды и имѣть полезное дѣйствіе для ободренія земледѣлія и другихъ частей государственнаго хозяйства*. Здѣсь законодатель явно имѣлъ въ виду всю совокупность разнородныхъ интересовъ сельскаго хозяйства, желая полнаго удовлетворенія и преуспѣянія всѣхъ ихъ и нисколько не поощряя однихъ во вредъ другимъ. Таково и все законодательство по этому предмету, во всемъ его историческомъ развитіи. Остается только вникнуть ближе въ благія предначертанія и сообразовать съ ними, по возможности, свои распоряженія.

На этомъ сознательномъ общепольномъ экономическомъ пути возможно сближеніе тѣхъ крайностей, которыя мы указали въ настоящей статьѣ. И это очень естественно: благотвореніе, какъ бы оно, въ минуту своего совершенія, ни отвлекалось отъ вещественныхъ выгодъ, не можетъ рано или поздно не оказать, въ отдѣльныхъ случаяхъ, своего живительнаго вліянія и на развитіе матеріальныхъ интересовъ; съ другой стороны, всякій опытный хозяинъ, какъ бы онъ временно ни уединялся въ сферу исключительнаго производства, не можетъ не сознавать присутствія другихъ интересовъ, рано или поздно приходящихъ въ столкновеніе съ нимъ, и такъ или иначе дѣйствующихъ на его хозяйство. Мы можемъ даже привести нѣкоторыя доказательства.

На вопросъ г-на Порошина, кѣмъ обрабатывается земля, оставленная князьями Шихматовыми за собою, князь Алексѣй Александровичъ отвѣчаетъ:

«Наймомъ, болшею частью Зубовскихъ хлѣбопашцевъ и Архангельскихъ крестьянъ (то-есть, отпущенныхъ помѣщиками на волю). Алешковскіе (такіе же крестьяне) охотно бы всѣ участвовали въ обработаніи ея, по умѣренной цѣнѣ, еслибы не далеко было для нихъ; однако же и теперь есть ихъ три двора. Вблизи есть сторонніе восемь дворовъ, которымъ выгодна эта обработка и по разстоянію, и по цѣнѣ. Цѣна первоначально положена по два рубля сереб. за обрабатываемую

десятины, которыхъ, въ теченіе года, бываетъ двѣ для желающихъ взять землю. Въ селѣ Архангельскомъ, кромѣ части земли, принадлежащей князю, находится еще часть г. Языкова съ крестьянами, душъ семьдесятъ. По этимъ причинамъ земля села Архангельскаго, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ остаться невоздѣланною.»

На вопросъ: *каковы выходы земледѣлія, въ сравненіи съ прежними?* князь Шихматовъ отвѣчаетъ:

«Доходъ господину съ Архангельской земли, если взять общій итогъ прихода и расхода, доходовъ и расходовъ деньгами, какъ его теперь можно уравнивать, едва ли не больше» (1).

Съ другой стороны, мы находимъ въ статьяхъ усманскаго помѣщика, г-на Г. Б., по поводу урочныхъ положеній, слѣдующее:

«Мнѣ кажется заслуживаетъ вниманія введенное изстари во многихъ мѣстахъ обыкновеніе распределять урочные участки полей для обработки, напримѣръ для напки, нѣкоторымъ образомъ по кадрамъ, или по малымъ общинамъ, какъ-то: ставить, смотря по надобности на кругъ или двѣ хозяйственныя десятины, отъ 4 до 5 и 6 сохъ. Размѣщаются же рабочіе, при этомъ, нерѣдко по привычному для нихъ жребію, не допускающему ни произвола, ни условныхъ партій, ни пререканій, ни ссоръ, ни дракъ. Тутъ челоуѣколюбіе и услужливость однихъ, которые, по своей и скота своего силѣ, ни во что не ставятъ пройти нѣсколько бороздъ слабосильныхъ, вызываютъ къ нимъ дружеское расположеніе другихъ, и приводятъ къ практикѣ христіянскія добродѣтели, внушаемая совѣстью и религіею,—между тѣмъ какъ, еслибы владѣлецъ самъ вмѣшался въ дѣло и велѣлъ своею властію или, что все равно, мелочно подробнымъ урочнымъ положеніемъ, Ивану дѣлать по три борозды лишнихъ противъ Сидора, то это бы ихъ поссорило, а на владѣльца навлекло бы ропотъ, и при всей своей благонамѣренности, онъ былъ бы виноватъ, потому что въ Иваняхъ и Сидорахъ ошибочно предположилъ и тѣмъ, можетъ-быть, убилъ ту же самую филантропію, которою согрѣто его собственное сердце. Не тотъ правъ, кто беретъ все на себя, увлекаясь заблужденіемъ, будто другіе хуже его, или какія-нибудь машины, а тотъ,

Кто значеніе челоуѣка

Въ мужичкѣ убогомъ чтить.» (2)

Вотъ и сближеніе между крайностями, самыми противоположными. Слава Богу, мы достигли желаннаго примиренія: успокоимся же на немъ и окончимъ нашъ трудъ.

В. БЕЗОБРАЗОВЪ.

Ноябрь, 1856 г.

(1) Дворяне-Благотворители, стр. 49—50.

(2) Труды 1856 г. № 3, Хозяйств. Полемика, стр. 5.